

Оглавление

Введение	2
Глава 1. Интерпретации романа братьев Стругацких «Град обреченный» в научном дискурсе.....	6
1.1. К вопросу о термине «герменевтика»	6
1.2. Прочтения романа «Град обреченный» в отечественном литературоведении.....	12
1.3. Интерпретации романа в зарубежном литературоведении.....	21
Глава 2. Анализ герменевтических подходов к пониманию романа братьев Стругацких «Град обреченный».....	27
2.1. Прочтения романа «Град обреченный» в литературно-критическом поле.....	32
2.2. Трактовки романа.....	41
2.3. Интерпретации романа в информационных сообществах	45
Заключение	51
Список использованных источников и литературы	53
Приложение 1. Урок «Аркадий и Борис Стругацкие. “Град обреченный”. В чём же суть эксперимента?».....	60

Введение

Слово «герменевтика» появилось ещё во времена древнегреческих мифов, это подтверждает миф о боге Гермесе, который должен был толковать и разъяснять людям вести, приходящие от богов. Спустя тысячи лет герменевтику понимали как искусство толкования многозначных символов, иносказаний, интерпретацию текстов древних поэтов. После это понятие означало искусство достоверного перевода памятников прошлого.

Герменевтика как наука развивалась долгое время, претерпевала множество изменений и в итоге сформировалась к началу 20 века на основе понимания литературных текстов. Задачей герменевтики на начальном этапе являлось пояснять различные значения культуры, прочитывать древние и библейские тексты. При исследовании любого литературного текста необходимо его максимально объективное толкование, именно поэтому герменевтике придаётся такое большое значение в литературе.

Кроме того, герменевтика является одним из основных методов анализа литературного текста. В герменевтике большую роль сыграли зарубежные учёные и мыслители такие как Густав Шпет, Вильгельм Дильтей, Поль Рикёр, Эрнст Фрукс, Эмилио Бэтти, Энтони Тисельтон, Мишель Фуко. Немало важный вклад в развитие науки внести российские учёные Н.О. Гучинская, Н.К. Радина, А.В. Порнёв, Б.Г. Соколов, Е.Н. Юркевич и другие. Все они пытались реконструировать исторические явления путём переосмысления и понимания события или явления.

Интерпретация – это форма и способ функционирования знаний. Для того чтобы понять, что из себя представляет герменевтика, нужно знать и понимать ее принципы. Те принципы, которых придерживается автор работы, можно свести к нескольким основным положениям:

1. Текст необходимо изучать в общем историко-культурном контексте, а не обособленно от внешних факторов.

2. Важную роль при интерпретации литературного текста играет реконструкция культурной и исторической среды, к которой существовал автор.

3. Необходимо исследование рукописей и вариантов произведения (если они сохранились).

4. Немаловажно изучение прижизненной критической литературной критики.

5. Необходимо понять, какой смысл сам текст имел для самого автора и для окружающих людей того времени, а потом соотнести это с современным сознанием (разграничение смысла и значения).

Из этого можно сделать вывод, адекватное прочтение и понимание различных литературных текстов и их интерпретация – это одна из самых трудных задач, с которой может столкнуться читатель, но вместе с тем одна из самых интересных для понимания сложных, запутанных текстов.

Именно с этой проблемой мы предлагаем справиться ученикам одиннадцатых классов при прочтении романа Стругацких «Град обреченный».

«По результатам опроса, проведённого в 1967 году по всей стране, четыре романа А.Н. и Б.Н. Стругацких заняли первое, второе, шестое и десятое места в списке самых популярных произведений научной фантастики в Советском союзе» [Хауэлл, 2021: 190]. С течением времени популярность Стругацких всё больше утверждалась и становилась естественной и закономерной. Стругацкие писали такую литературу, которая описывала будущее человечества, литературу скрытную, загадочную, полную тайн и загадок, которые разгадать должны были сами читатели.

Их романы нельзя назвать простыми для понимания, можно даже сказать, что они трудны для неподготовленного читателя, однако, насколько можно судить по существующим читательским свидетельствам (к которым мы обратимся ниже), этот факт не отталкивает, а наоборот притягивает читателей, которые желают вникнуть вместе с авторами в проблемы бытия и

ответить на самые острые вопросы. Именно поэтому, нам кажется, что для учеников старших классов роман «Град обреченный» станет очень привлекательным для того, чтобы дать свою личную интерпретацию и поделиться ей с со товарищами.

Актуальность работы обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, тем, что позднесоветская литература находится в фокусе исследовательского внимания. Во-вторых, ключевой для Стругацких роман «Град обреченный» по-прежнему недостаточно исследован и представляет собой герменевтический вызов. Наконец, в-третьих: как нам представляется, изучение (хотя бы фрагментарное) романа школьниками может помочь при решении важных задач расширения культурного кругозора и развития навыков мышления.

Существуют различные работы литературоведов, в которых описаны всевозможные подходы к пониманию романа братьев Стругацких «Град обреченный», однако на сегодняшний день не существует комплексной интерпретации романа Стругацких. Кроме того, указанная проблема в последнее время стала объектом рассмотрения в области литературоведения, с чем в целом и связана новизна представляемого исследования.

Объектом исследования является роман А.Н. и Б.Н. Стругацких «Град обреченный».

Предмет исследования – массив интерпретаций романа братьев Стругацких «Град обреченный» в отечественном и зарубежном литературоведении, литературно-критическом поле, публицистическом дискурсе и в информационных сообществах.

Целью работы является комплексное изучение интерпретаций романа Стругацких «Град обреченный» и разработка на этой основе методических рекомендаций для работы с этим романом в школе.

Задачи:

1. изучить ключевые подходы к интерпретации произведения, существующие в герменевтике;

2. проанализировать и систематизировать существующие в отечественном и зарубежном литературоведении интерпретации романа Стругацких «Град обреченный»;

3. исследовать и систематизировать прочтения «Града обреченного» в публицистическом дискурсе и в информационных сообществах;

4. разработать урок на тему: «Аркадий и Борис Стругацкие. “Град обреченный”. В чём же суть эксперимента?»

Научная новизна и теоретическая значимость исследования обусловлены тем, что на сегодняшний день существуют разрозненные работы литературоведов и критиков, а также отзывы рядовых читателей, в которых предложены трактовки «Града обреченного», однако нет исследований, которые бы систематизировали и проанализировали их

Материалом данного исследования являются тексты различной жанровой природы, содержащие интерпретации «Града обреченного».

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды, посвященные теории литературы и феномену интерпретации (Ю.М. Лотман, П. Рикёр, М. Фуко и др.), работы литературоведов и критиков о творчестве братьев Стругацких (И. Хауэлл, М.Ф. Амусин и др.).

Структура работы включает введение, две главы, заключение, список использованной литературы, насчитывающий 46 наименований, и приложение.

Глава 1. Интерпретации романа братьев Стругацких «Град обреченный» в научном дискурсе

1.1. К вопросу о термине «герменевтика»

Выбор подхода или метода является определяющим моментом как в научном исследовании, так и в изучении литературного произведения. Применение наиболее распространённых методов в работе позволяет решить множество проблем, связанных с изучением текста. Без точного и ясного понимания, как предпочтительнее решать поставленную проблему, зачастую невозможно подойти к её решению.

«Методология – это учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности, а метод – это инструмент организации этой деятельности» [Новиков, 2007: 11]. В литературоведении, как и в других науках, методология играет важную роль. Её методы направлены на изучение художественного произведения, его ключевых аспектов, таких как: авторский замысел, сам текст, читательское восприятие.

В последнее время в области гуманитарных наук популярным стал метод герменевтики. «Герменевтика – это искусство и теория истолкования текстов (в первоначальном значении слова, восходящем к античности и средневековью), учение о понимании смысла высказывания и шире другой индивидуальности (в философской и научной традиции Нового времени, главным образом немецкой). Она может быть охарактеризована как учение о познании личности говорящего и ею познанного» [Хализев, 2004: 127].

Помимо Хализева, многие учёные давали своё определение герменевтике. Например, Поль Рикёр в своей книге «Истина и метод» пишет, что существует два способа обоснования герменевтики. «Есть короткий путь, с которого я начну, и путь длинный, который я попытаюсь пройти до конца». Короткий путь – это путь онтологии понимания, я называю коротким путём, потому что она, отказываясь от рассуждений о методе, сразу переносит себя

в план онтологии конечного сущего, чтобы обнаружить здесь понимание уже не как способ познания, а как способ бытия» [Рикёр, 2008: 43]. Этот путь отличается от длинного тем, что вглубь понимания погружаются внезапно, не углубляясь постепенно в возможности методологического истолкования. При этом подходе герменевтика перерастает в аналитику, и вопрос: «при каком условии субъект может понять тот или иной текст?» – заменяется другим вопросом: «что это вообще за человек, бытие которого заключается в понимании?» Поэтому Рикёр предлагает следовать более трудным путём, который ставит своей задачей вывести рефлексю на уровень онтологии, но решаться она будет постепенно, с последовательным учётом требований семантики, а потом и рефлексии.

Так же, как и вышеупомянутые исследователи, Вильгельм Дильтей пишет, что «предпосылка герменевтики – это двойственность противоположности самобытного и тождественного, чувства и познания, искусства и науки» [Дильтей, 2001: 129]. Из этого мы понимаем, в каждом произведение понятное и непередаваемое проникают друг в друга, другими словами, сочетаются неразрывно вместе, поэтому главная проблема заключается в соглашении общего или объективного, заключённого в языке и в аналитической мысли с непередаваемым, индивидуальным, заключённым в свободном синтезе.

По записям учеников Фридриха Шлейермахера и его собственным лекциям, которые представлены чересчур кратко, можно проследить, что информация, которую он преподносил своим слушателям, была насыщена как фактическим и историческим, так и литературоведческим и философскими материалами, поэтому проследить его концепцию трудно, но вполне возможно. Шлейермахер излагал свою герменевтическую концепцию в несколько приёмов, поэтому само понятие претерпевало большое количество изменений, кроме того, некоторые узконаправленные положения на сегодняшний день устарели. В большей степени это касается грамматического толкования, поэтому стоит остановиться на тех аспектах

этой теории, которые действительно оказали влияние на дальнейшее развитие литературоведческой герменевтики. «В итоге, Шлейермахер называет герменевтику *Kunstlehre*. Этот немецкий композит мы переводим как «учение об искусстве», по аналогии с наукоучением (*Wissenschaftslehre*) Фихте, хотя этот перевод и передает только часть значения немецкого слова. Шлейермахер, соединяя в одном слове два понятия, указывает тем самым, на двойственность и антиномичность герменевтики» [Шлейермахер, 2004: 25].

Другими словами, в момент возникновения художественного замысла произведения, автор является духовным единством с идеей. Цельность не исчезает целиком, она продолжается и по мере воплощения в мыслительную оболочку, а затем и в языковую, то есть чем сильнее первоначальный порыв, тем крепче это будет проявляться в реализации этого замысла.

Не все исследователи придерживались мнения, что герменевтика – это самостоятельная наука. Например, Г.Г. Шпет, занимаясь ее проблемами, говорил о том, что «герменевтика не есть самостоятельная наука, а всего только вспомогательная дисциплина в научной работе. Открыть ее место в системе знания – значит прежде всего указать тот цикл научных вопросов, по отношению к которому герменевтика выполняет свою вспомогательную роль» [Шпет, 1989: 249]. Шпет утверждает, что писатели, которые задумывались над проблемами герменевтики, ставили на первый план интересы практические, нежели задавались вопросом о научной природе. В первую очередь нужно дойти до сознания теоретической ценности предмета, поставить вопрос о герменевтике полно и ясно, перестать сопоставлять герменевтику с теорией логического счисления.

Так же, как и Шпет, Энтони Тисельтон обозначает, что необходимо различать герменевтику и традиционную философскую мысль: «Хотя рациональная составляющая остаётся неотъемлемой частью герменевтических исследований, творческая сторона прочно связана с восприимчивостью слушателя или читателя, его открытостью по отношению к тексту и желанию прислушаться к нему» [Тисельтон, 2009: 14]. Исходя из

положений Тисельтона, можно сказать, что герменевтика – это умение ценить и проецировать на себя содержание текста, который мы пытаемся понять. Это гораздо важнее традиционного подхода досконального изучения объектов восприятия, их осмысления и понимания, именно поэтому так важно разделять положения герменевтики и философии.

Эрнст Фрукс, рассуждавший в схожем ключе с утверждениями Тисельтона, говорил: «Прежде чем мы сможем интерпретировать текст, он сам должен интерпретировать нас» [Долинин, 2010].

Немаловажными являются мысли известного философа и историка Эмилио Бэтти, который считает, что «Интерпретация – это процесс, цель и адекватный результат которого – понимание. Интерпретатор призван опознавать и выявлять в различных объективациях духа «творчески животворящую мысль». Интерес заключается и в том, что исследователь проникает в самую глубь изучаемого, ищет смысл, открывает для себя новые аспекты. Всё, что исходит от автора произведения, его художественную манеру, символы в тексте, задумки и замысел [Реале, Антисери, 1997: 432].

Весь объективный мир фактов, человеческих событий, поступков, мыслей, жестов, идей, реализаций и идеалов подлежит интерпретации. «Интерпретатор не может уклоняться от понимания и верной реконструкции смысла, он озвучивает голос своей интуиции, осуществляет инверсию творческого процесса, ретроспективно воспроизводит генезис смысла, идя путём внутреннего переосмысления» [Реале, Антисери, 1997: 432]. Таким образом, можно сделать вывод, что интерпретация – это переосмысление или реконструкция послания, объективация скрытых либо ставших явными намерений.

Необычайно интересное истолкование герменевтике дают Н.К. Радина и А.В. Поршнёв говоря о том, что: «герменевтика – это новаторский подход, использующийся для формулирования идей, традиционно рассматриваемых в других методологических рамках. А изучение согласованности оценок

чего-либо представляет собой интересную задачу, которую необходимо решать» [Радина, Поршнёв, 2014: 96].

О каком истолковании идёт речь и для чего оно нужно? Этим вопросом задаётся Н.О. Гучинская, объясняя, что в переводе с древнегреческого герменевтика значит – «наука о толковании» и имеет тот же корень, что и Гермес – толкователь воли богов, вместе с тем родоначальник и покровитель герменевтических наук. Само слово – *hermeneia* – появилось после сочинения Аристотеля «Об истолковании» и в конце концов стало обозначать область и способ анализа текста, но это в корне не свойственно герменевтике, поэтому необходимо пользоваться иной терминологией и каждый раз вести речь об истолковании текста.

Б.Г. Соколов в своей работе «Рецепция герменевтики в России» отстаивает идеи о том, что «литературный текст, рассказ, произведение искусства, наконец, просто речь требуют истолкования, и без процедур, позволяющих понять сказанное, написанное, мы вряд ли обходимся и когда-либо обойдемся» [Соколов, 2001: 178]. Современная герменевтика нуждается в понимании, смысле и истолковании вообще, поэтому проблема понимания является общей для научного поля.

Соколов ориентируется на значение герменевтики, которое она получила благодаря работам Шлейермахера, Дильтея, Хайдеггера, Рикёра, Деррида, Барта, Фуко и Гадамера, рассуждает о том какой путь прошла герменевтика вплоть до современности, в последствии чего пытается объяснить, что из себя представляет герменевтика: «Если попытаться очертить «крупными мазками» то, что сейчас происходит на «небосклоне» философской герменевтики, то мы сказали бы следующее. «Современная философская герменевтика, как определенное проблемное поле, в котором вопрошают о понимании, смысле, истолковании, формируется несколькими философскими направлениями» [Соколов, 2001: 180].

Говорить о герменевтике только в ключе немецкой школы – это значит упускать достаточно полезные и объёмные работы мыслителей других

направлений по данной теме. В первую очередь это французская школа, представленная работами Поля Рикера, Жака Деррида, Ролана Барта и др. Вторая школа – это англо-американская, которая ориентирована прежде всего на литературоведческий дискурс и дискурс языка, в лице Серль, Джеймсон, Рорти, отчасти Эко. Современное положение герменевтики характеризуется попытками синтеза трёх стратегий, их сочетания.

Ю.Б. Борев, ссылаясь на работу П.П. Гайденко утверждает, что «[г]ерменевтика ныне полагает себя сферой духовной деятельности, без которой литературоведение не сможет обстоятельно осмыслить свои задачи. Герменевтика – «явление неоднородно», к ней принадлежат, ее представляют мыслители, по-разному ориентированные и теоретически, и социально-политически» [Борев, 1985: 46].

За текстом всегда стоит определённая реальность, которая описывается, фиксируется, отражается в самом тексте. Например: герменевтика может выявлять реальность, о которой говорится в тексте и рассматривать интерпретацию как воспроизведение объекта, соответствующего тексту; или же герменевтика может являться методом выявления духовного содержания текста, который трактуется как знак присутствия мысли и ставит себе задачу постичь духовную сущность; помимо этого, можно говорить, что герменевтика представляет единство текста и объекта, которое не рушится историей; другая грань герменевтики – это выявление личности автора, стоящей за текстом и запечатлённой в нём так же герменевтика может быть направлена на интерпретацию «тёмных» мест в тексте и обусловлена необходимостью пояснения его смысла.

Наряду с другими исследователями Е.Н. Юркевич пишет, что герменевтика выделилась в качестве самостоятельного направления благодаря открытию специфических познавательных методов. Представляет она из себя следующее: «Герменевтика – это вопрос о возможности формализации понимания и интерпретации как процесса и специфического смыслового результата мыслительной деятельности человека» [Юркевич,

2008: 554]. Из данного утверждения, мы можем понять, что культура чтения, которую невозможно представить без понимания и интерпретации, как результата оформления, «приведения в порядок» отдельных фрагментов требует аналитического оформления, если же это отсутствует, то деятельность абсолютно бессмысленна.

Термин герменевтика имеет большое множество трактовок. Герменевтикой чаще всего называют искусство толкования или интерпретации литературного произведения: художественного или исторического, философского или религиозного и др. В теоретическом смысле герменевтикой можно назвать теорию понимания, постижения, восприятия смысла того или иного литературного произведения. Так же можно найти определение герменевтики как учения о принципах гуманитарных наук.

Понимание является неотъемлемым компонентом при изучении литературного произведения. В любое время человеку хотелось и хочется до сих пор быть полностью уверенным в том, что он истолковывает прочитанное правильно, поэтому в последнее время герменевтика стала универсальным методом в области гуманитарных наук. Так как герменевтика составляет основу гуманитарного знания, помогает интерпретировать текст литературного произведения, можно сделать вывод, что данный метод полностью ориентирован на читателя. Его суть состоит в том, чтобы из обычного напечатанного текста создать нечто большее, чем просто осязаемый объект, понять его значение.

1.2. Прочтение романа «Град обреченный» в отечественном литературоведении

Одна из главных задач, стоящих перед интерпретатором любого текста, состоит в том чтобы собрать достаточное количество сведений из разнообразных сфер: биографической (данные об авторе, о процессе и

обстоятельствах создания произведения), историко-литературной и – шире – историко культурной (об источниках произведения, традиции, в которую оно встроено, или с которой, напротив, порывает) и т.д. Ср.: «Что значит интерпретация при чтении литературного произведения? Это вопросы о том, что мы читаем, есть ли в произведении скрытый смысл, какова авторская позиция, что мы должны понять, исходя из текста. Интерпретация текста необходима с одной стороны для того, чтобы понять, почему результаты исследования привели нас к тому или иному выводу, с другой стороны может помочь убедить других читающих в реальной значимости результатов исследования.

В системе научного литературоведения интерпретация занимает особое место. Как понять в чём разница между анализом произведения и интерпретацией? Интерпретация поддерживает связь науки с естественным восприятием художественного произведения, и уравнивает в правах мышление обыкновенного человека и специалиста в области литературы, поднимая тем самым читательскую реакцию на произведение до уровня науки. Если не будет учитываться восприятие художественного произведения непрофессиональным читателем, наука рискует превратиться в абстракцию. Необходимость интерпретации естественна» [Габбасова, 2016].

А.Б. Есин пишет, что существенной частью научного познания является анализ – научный метод, расчленяющий сложноорганизованное целое на части, выделяющий в нем некоторые стороны, элементы, а также связи между ними и познающий каждую часть относительно самостоятельно. Анализ – необходимая ступень любого научного постижения: сложный предмет, который нельзя познать сразу, осознается по частям. Не зная, из чего состоит то или иное сложноорганизованное целое, нельзя, как правило, понять его действия, внутренних закономерностей, а часто и смысла. Конечная цель анализа двояка: во-первых, описание свойств и особенностей, присущих отдельным элементам и частям произведения, и во-вторых,

установление объективного состава и структуры (характера и принципов организации, связей) всего целого [Есин, 2000: 15].

Ю.Б. Борев в своей работе «Искусство интерпретации и оценки» (опыт прочтения «Медного всадника») подчеркивает, что «Важнейшей проблемой целостного исследования произведения является органическое сочетание ценностного анализа с интерпретационным» [Борев, 1981: 37].

Пытаясь понять произведение, читатель вникает в замысел писателя и стремится понять автора, сопереживая, чувствуя мысли и намерения автора. Для того чтобы глубже в этом разобраться, рассмотрим примеры отечественных исследователей, которые интерпретировали роман братьев Стругацких «Град обреченный».

С. Бондаренко в своей книге «Неизвестные Стругацкие. От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего» Черновики, рукописи, варианты» пишет: эта книга продолжает рассматривать творчество Стругацких в хронологическом порядке. «Это ни в коей мере не литературоведческий труд, это не исследование о влиянии личной жизни и жизни общества на произведения Стругацких; это не исследование темы текстов, их идеи и прочих литературоведческих «штучек»» [Бондаренко, 2008: 3]. Работа Бондаренко – это только материал для исследования. Он не говорит о фабуле, о сюжете произведения, о главных героях и второстепенных, а только пытается поставить себя на место исследователя, рассмотреть все очерки братьев Стругацких и разгадать загадки их творчества. Исследовательский труд Бондаренко предназначен для тех, кому было бы интересно узнать как писатель подошёл к произведению.

Бондаренко опирается не только на сам роман, но и на архивные записи, политические и стилистические правки самих авторов и разводит эту информацию по главам. Начиная с истории создания романа «Этот роман, писавшийся авторами необычайно (по сравнению с другими их произведениями) долго – с 1970 по 1975 гг., впервые был издан только во второй половине восьмидесятых, пролежав в столе более десяти лет», он

переходит к вопросам, которые действительно важны для восприятия текста. Например: как восприняли бы роман «Город обреченный» люди, очутившиеся в вакууме веры только в период перестройки после семидесятых? Прочитав этот роман, поняли ли бы его люди? Прошли бы мимо этого романа? Осознали бы, что написанное – об их жизни? Все эти вопросы Бондаренко предлагает оставить для рассмотрения исследователям, поскольку цензура к тому времени почти исчезла, и роман вышел в печать практически без изменений.

Бондаренко делает акцент на динамике замысла, отразившейся в обильной правке, указывая на важность этих изменений. «Град обреченный», как известно, изначально существовал в трех машинописных экземплярах, все они имели отличия друг от друга (в частности, стилистически), однако эти отличия не были разительными, что свидетельствует о том, что конечный вариант романа – это и есть тот текст, который братья Стругацкие хотели передать читателям.

Те подробности, которые авторы убрали из текста романа, важны для понимания мотивов поведения героев и того, почему читатели могли увидеть в них себя. Например: в первой главе в диалоге Вана и Андрея Воронина есть изменения при описании местности. Сначала Авторы словами Воронина поясняют читателю: «Ну да, – пробормотал он. – Это же в Китае...», затем убирают эту реплику. Ван же, продолжая рассказ, сообщает о том, что сегодняшних цен он не знает, так как «после революции я не жил в деревне». «После революции» Авторы изменяют на «последнее время» – более размыто, неконкретно» [Бондаренко, 2008: 7]. Это изменение сделано для того, чтобы не заострять внимание читателя на революции и событиях того времени, именно поэтому Стругацкие исправили конкретный вариант на общий.

Изменение претерпела глава, где главный герой знакомится с Сельмой. «Первое появление в романе Сельмы сопровождается крепким запахом «духов, помады и еще какой-то парфюмерии». Помада из перечня убирается»

[Бондаренко, 2008: 8]. Андрей как человек пятидесятих годов, уверенный комсомолец просто не мог различить запах помады и запах духов, потому как это не свойственно людям того времени.

«Во время паники в мэрии (нашествие павианов) Воронин жалеет, что «обеспечить кого-нибудь обмундированием второго срока – не может». В черновике интересная подробность: «...второго или, на худой конец, хотя бы третьего...». Данная правка может тоже быть своеобразной отсылкой к событиям, происходившим в то время» [Бондаренко, 2008: 9].

Учитывая, что роман точно не пройдет цензуру, Стругацкие вносили политические правки, но и тут их оказалось не так много. Матильда Гусакова, рассказывавшая о Здании и угодившая поэтому на допрос к Воронину, пытается выяснить, кто доложил о ней. В черновиках до последнего сохранялись её слова: «Кто же мог сообщить? – проговорила она. – Вот уж не ожидала!.. – Она покачала головой. – И здесь, оказывается, надо соображать, кто да с кем... При немцах сидели – рты на замке. Сюда подалась – и тут, значит, та же картина... При немцах сидели – рты на замке. После сорок восьмого – опять помалкивай да посматривай» [Стругацкие, 1998]. Позже эти фразы изменились, возможно, из-за влияния политического строя.

Помимо Бондаренко интересный подход можно найти в лекции Д.Л. Быкова. Лекция проводилась в день восьмидесятилетия Б.Н. Стругацкого для того, чтобы отдать дань памяти писателям, разобраться в тех вопросах, которые до настоящего момента остаются загадкой. Роман до сих пор остаётся очень загадочным и непонятным, поэтому возвращаясь к нему в разное время для человека будут открываться новые грани сюжета. «Град обреченный» самая для меня загадочная их вещь, это единственная вещь Стругацких, которая до такой степени зашифрована, до такой степени не пускает в себя» [Быков, 2012].

Этот роман был не просто лишен права публиковаться, но и мог повлечь за собой уголовное наказание. Братья Стругацкие боялись выносить

рукопись из дома, показывать её кому-то и уж тем более нести рукопись в издательство. Быков, как фанат Стругацких, старается объяснить себе значение «Града обреченного» и дать другим трактовку смысла, говоря о том, что «мы до сих пор еще не вступили в состояние «Града»» [Быков, 2012]. Он собирал о них факты, слухи и просто мнения людей для того, чтобы найти ответы на заданные самому себе вопросы. «Слухи о том, что Стругацкие пишут роман, написали роман, вот-вот покажут роман, по вечному своему раздолбайству никак не могут закончить роман – ходил и такой слух» [Быков, 2012].

«Все эти слухи были мне хорошо известны. Они ходили у нас в школе. Слухи о том, что большой роман будет вот-вот издан за рубежом, ходили с 1982 года, что он вот-вот будет напечатан в России – с 1985 года. И когда он наконец был напечатан, общий вздох разочарования невозможно было скрыть» [Быков, 2012]. Это не просто личностное ощущение книги, а обоснованная позиция. Быков пишет, что именно этому роману не повезло больше, чем всем другим произведениям братьев Стругацких. Возможно, это произошло потому, что ранние повести понравились читателям больше или потому что люди того времени в силу своего ума не могли понять сути романа, который опередил развитие на несколько лет вперед. Роман считается пророческим, для многих непонятным, несколько эзотерическим, поэтому он до сих пор остаётся в тени творчества братьев Стругацких.

Задавая вопрос «Что происходит с художником в зрелости?», Быков опирается на опыт писателей прошлых веков и говорит: «как правило, художник расходится со своей аудиторией после 40-50 лет. Кому повезет дожить. Кому не повезет, тот, как Пушкин, после 30-ти. Художник начинает ставить себе новые вопросы. Он работает в новой усложненной манере. Иногда это бывает хорошо, иногда дурно [Быков: 2012]. Этот феномен неизбежен, возможно также произошло и с романом «Град обреченный», который был написан уже в зрелом творчестве братьев Стругацких. Поздние произведения сложнее, для писателей становится неважным внешний облик,

акценты расставлены на внутреннем содержании, в этом периоде писатель меньше думает о своей аудитории и уже не старается ей понравиться. И в итоге, Быков не приходит к ответу что же такое «Град обреченный», предполагая, что роман был либо творческим кризисом, либо ошибочным произведением.

Быков сумел предположить почему же мы до сих пор не понимаем роман «Град обреченный». «Потому что в целом роман о неких приключениях, сложных и мучительных поисках истины, это сложение всех парадигм состояния сознания тех людей. Человека, который остался наедине с проклятыми вопросами. Нам еще до этого состояния, как вы понимаете, жить и жить. Трагедии этого состояния непонятны. Может, в том и заключается наша главная сегодняшняя беда, что мы никак из прежних установок не выпадем» [Быков, 2012].

В интерпретации Быкова роман «Град обреченный» – это памятник семидесятым годам XX в. «Для нас существует по-прежнему совершенно ложные дихотомии: восточного и западного, славянофильского (т. е. патриотического) и прогрессистского. Тогда как «Град обреченный» весь построен на двух дихотомиях гораздо более серьезных» [Быков, 2012]. Такое предположение расходится с пониманием самих Стругацких, потому как они не отдавали себе отчёта в таком очевидном толковании романа. «Стругацкие 70-х годов – это рефлексия двух чрезвычайно умных людей, может быть самых умных в своей эпохе, над советской историей и над советским опытом. Попытка этот советский опыт метафорически описать и показать, куда он выводит» [Быков, 2012].

Не зря акцент на семидесятых годах, потому что здесь проявляются две точки выбора. «Главный герой романа Андрей Воронин убеждён, что Град – это ничто иное, как борьба хаоса с организацией, энтропией с человеческой волей». И на протяжении всего романа, он убеждён, что данное положение дел – это не ад, не посмертное бытие и не то пространство, где правит зло. «Нет, это то пространство, где царствует энтропия. Задача человека – эту

энтропию организовать» [Быков: 2012]. Но важно понимать, что все попытки организовать энтропию заканчиваются всегда одинаково – крахом. Например: мусорщик не в состоянии убрать мусор, следователь не может расследовать дело, а помощник советника, пытаясь прийти к новому режиму, всё равно приводит к такой же диктатуре, что и раньше.

«Есть и вторая, не менее важная дихотомия в романе, которая, собственно говоря, связана с именем Изи Кацмана» [Быков: 2012]. Изя – это человек рефлексии, и она раздражает не только Андрея, но и всех вокруг. Но если вдуматься, то именно с именем Кацмана связана главная, вторая проблема романа. «Это уже проблема вечного противостояния между массой и личностью, между элитой и большинством. Но именно Кацман, и именно в самом финале романа, когда мы хотим, наконец, узнать ну хоть одну разгадку. В финале романа он возражает Андрею и говорит, что элита – это отвратительно». Это можно проследить на примере монолога Изи Кацмана в одной из глав романа: «Когда элите вручены права. Когда элита должна решать судьбы. Когда элита полагает себя вправе распоряжаться чужой биографией. Но если эта элита сама для себя, как он это называет, элита, которая только творит и думает, мы ничего не можем с этим сделать, пусть она будет, потому что она выполняет главную задачу – она строит храм, и в этот храм надо вложиться хотя бы крупинкой. А все, что плещется вокруг храма, это всего лишь дерьмо, – просто говорит Изя Кацман» [Стругацкие, 1992].

Быков уверен в том, что внутри эксперимента устроить жизнь невозможно, идея порядка и идея качества абсолютно несовместимы, напротив, они исключают друг друга. Все попытки людей сосуществовать вместе заканчиваются кровью, так же, как и каждая попытка установить общие правила. «Есть попытка уйти на север, а есть попытка фермеров жить отдельно в своих болотах. Но, как мы знаем, прочитавши роман, ведь и фермеры сильно напиваются и дерутся, все споря о единственном: есть смысл в эксперименте или нет смысла в эксперименте. [Быков, 2012]. Это

самая мысль лежит на поверхности романа и становится крайне принципиальной для понимания смысла, потому как не существует одного единственно верного правила и человек может эволюционировать в разных направлениях.

Существует единое мнение у многих критиков, которые исследовали роман «Град обреченный», Град – это некая попытка построить теорию воспитания общества с помощью эксперимента, попытаться сформировать воспитанного человека. А в этом уже и заключается сложность. Человек воспитанный абсолютно непредсказуем, он быстрее развивается, он становится незаметным для остальных. В романе между людьми не может быть ничего общего кроме эксперимента.

Теория воспитания основывается не только на этом, но и на истории с павианами. Существа не похожие на людей, страшные с огромной скоростью бежали к людям для того, чтобы причинить им вред. В этой ситуации люди разделились на две группы на тех, кто решил их беспощадно убивать и тех, кто воздержался. Самым страшным оказалось то, что все люди понимали, что это не просто павианы, а страшные, опасные существа, с которыми немедленно нужно что-то делать. «Есть только те, кто готов их немедленно расстрелять из пулемета, и те, кто от этого воздерживается по общеинтеллигентским соображениям. Вот вторжение чужого как важнейший фактор воспитания – это и есть, наверное, первый критерий, первый способ воспитывать» [Быков, 2012].

Для того чтобы верно интерпретировать роман, важно понимать, что эксперимент проводится не первый год, а существует уже около ста лет, может больше и все люди, которых мы видим связаны одной важной особенностью. Все они попали в этот эксперимент после 1945 г. Это важно, потому что это время, когда сознание людей переломилось, и каждый решил жить сам по себе. Именно такие разочарованные в истории люди попали в эксперимент, которые не смогли после 1945 г. устроиться в жизни, потеряли смысл своего существования. Из этого можно сделать вывод, что вероятней

всего и раньше в эксперимент попадали люди, которые ощутили на себе какую-то величайшую катастрофу.

Самые непонятные вещи происходят в трёх точках сюжета – это красное здание, хрустальный дворец и это пантеон. И если с красным зданием всё более-менее понятно, хрустальный дворец – это некий образ рая, представляемый Изей Кацманом и Андреем Ворониным, а пантеон так до конца остаётся загадкой для читателей. «И вот что такое пантеон, честно говоря, понять трудней всего. Пока не догадываешься о главном: что пантеон – это и есть идея порядка, доведенная до абсурда» [Быков, 2012].

В романе «Град обреченный» огромное количество неразгаданных вопросов, множество непонятных моментов и сюжетных переворотов, много тем и идей, о которых можно долго рассуждать. Главная задача романа не сначала, но постепенно сформировать у нас примерно таким образом: показать, как под давлением жизненных обстоятельств кардинально меняется мировоззрение молодого человека, как переходит он с позиций твердокаменного фанатика в состояние человека, словно бы повисшего в безвоздушном идеологическом пространстве, без какой-либо опоры под ногами. Жизненный путь, близкий авторам и представлявшийся им не только драматическим, но и поучительным. Актуальным до сих пор остаётся вопрос: как жить в условиях вакуума? Как жить и зачем?

1.3. Прочтение романа «Град обреченный» в зарубежном литературоведении

За рубежом творчество братьев Стругацких пользовалось большой популярностью. Это можно доказать большим количеством переводов их романов и повестей за границей. «Но там – то ли из-за пресловутой «разницы менталитетов», то ли из-за разности реалий, оно не являлось знаковым, символом причастности к некой касте. Не было на него ни гонений, ни активного продвижения» [Кузнецова, 2003].

Существуют три группы в зарубежной публицистике, которые оставляли отзывы о творчестве братьев Стругацких. Это социалистические страны, капиталистические страны и публицистика эмиграции.

В социалистических странах положение с печатью было похоже на положение в СССР, но отличалось более мягким подходом. К фантастике в эти странах относились иначе, для них это было привычно и давно знакомо. «Кроме того, считалось, что все, исходящее из Советского Союза – хорошо по определению. Во всяком случае, в идеологическом смысле. Во всяком случае, к этому читателей старались приучить» [Кузнецова, 2003].

Для социалистических стран появления в печати произведений братьев Стругацких не стало сенсацией, потому как издание советской литературы в соцстранах считалось нравственно и идейно полезным делом. «В общем – как ни крути – из Стругацких никак не получалось «источника сенсаций» ..., и они в основном лишь упоминались – как одни из популярных писателей» [Кузнецова, 2003]. Многие литературоведы и исследователи творчества писали статьи на тему творчества братьев Стругацких, но они были менее политизированы по сравнению со статьями, выходившими в советском союзе.

Публицистика капиталистических стран отличалась от публицистики вышеописанных стран, она была больше политизированной. Этому сопутствовал образ СССР как страны и привычка западных читателей сочувствовать всем, кого не приняли на родине. «Для придания произведениям Стругацких “антикоммунистической направленности”, что, в свою очередь, должно было послужить более успешному их сбыту, западные издатели иногда придавали фактам очень своеобразную окраску» [Кузнецова, 2003]. Например: подчёркивали засекреченность исследований, заменяли СССР на «неназванное государство». Творчество Стругацких у западных читателей пользовалось большой популярностью.

Еще больше политизированной была эмигрантская публицистика. То есть, произведения, которые в Советском Союзе были признаны либо

губительными, либо идеологически сомнительными, отразились и в эмигрантской публицистике. Существовало мнение, что Стругацкие выступали против советской власти. «Концепция эта хорошо сочеталась с концепцией эмигрантской прессы в целом: в Советском Союзе все плохо, а то в нем, что заслуживает внимания, не одобряется советскими властями» [Кузнецова, 2003].

Несмотря на разницу подходов, чаще всего, интерпретаторы ставят перед собой задачу, которая заключается в том, чтобы восстановить или выстроить некую однозначную, целостную, непротиворечивую систему, которая даст ответы на все вопросы касающиеся произведения. При таком подходе важно реконструировать или достроить неявные мотивы персонажей, выяснить то, о чём умалчивает сюжет повествования.

В качестве примера можно привести книгу Ивонна Хауэлла «Апокалиптический реализм: Научная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких». Свое понимание романа «Град обреченный» исследователь предлагает в главе под названием «Круги Дантова ада». Хауэлл утверждает, что каждая часть романа соответствует определенному этапу эволюции сознания героя, но само духовное путешествие Андрея Воронина начинается только после его смерти, поскольку город, в котором происходят действия, по Хауэллу, расположен не на земле. «С первых страниц мы узнаём, что все его жители в момент смерти согласились принять участие в некоем Эксперименте, после чего сразу очутились в городе. В результате они попали сюда из разных географических точек и из разных исторических моментов, хотя все говорят по-русски и все прибыли из относительно недавнего – после Второй мировой войны – времени» [Хауэлл, 2021: 85]. Помимо этого, мы узнаем о героях, что большинство из них не помнят своей прошлой жизни, культура города – это союз элементов советской и китайской тоталитарных систем, смешанных с немецким садизмом.

В этой системе можно совершить скачок и быстро подняться, например главный герой Андрей Воронин изначально работает мусорщиком, затем

несколько раз меняет роли, поднимается по карьерной лестнице до городского чиновника. «Хроника его пути вверх излагается в первых четырех из шести частей книги. Власть и статус он обретает пассивно; он не потворствует насилию и расизму, но и не противостоит им открыто» [Хауэлл, 2021: 85].

Хауэлл говорит, что все перемены в политической обстановке удалось пережить лишь другу Андрея Изе Кацману, благодаря своей эксцентричности и остроумию, а сам Андрей допустил много ошибок. Весь образ Изы Кацмана – это лишь прикрытие его эрудиции и любознательности. Сравнивая Изю и Андрея, Хауэлл приходит к выводу о том, что в конце произведения читатель должен понять – Андрей прошёл первый круг, схожий с девятью кругами ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери. «Ну, вот, Андрей, – произнес с некоторой торжественностью голос Наставника. Первый круг вами пройден... Андрей бесцельно разглядел газету и сказал: Первый? А почему первый? «Потому что их еще много впереди», – произнес голос Наставника» [Стругацкие, 1992].

По мере развития действия складывается и другое мнение. Наставник проводит его не через один круг, а через несколько кругов, чтобы вернуть Андрея к реальной земной жизни. Это доказывает финальная сцена, потому что Изя Кацман предстаёт в образе ребёнка, а жители Ленинграда всё ещё придерживаются взглядов Сталина и не питают к нему ненависть. «Андрей скоро умрет – вероятно, в одном из сталинских лагерей, «между громоздящимися поленницами дров», – и в тот же момент окажется на первой странице романа мусорщиком «Града обреченного» [Хауэлл, 2021: 87].

Читая роман, можно увидеть не одну параллель с адом Данте. Колодец во дворе дома Андрея схож с адом Данте, который выглядит как воронкообразная яма. Самый цент, жерло ада представляется в виде концентрационного лагеря. «С другой стороны, звезда Вега высоко над отвесными сторонами зданий похожа на «яркую планету», внушающую

надежду поэту Данте, когда он впервые сходит с верного пути в темный лес, ведущий в ад. Вступление Андрея на тропу в ад можно сравнить с путешествием Данте по загробному миру» [Хауэлл, 2021: 89].

Ещё один прообраз можно найти в «Божественной комедии». Хотя нижняя часть ада Данте населена историческими или легендарными персонажами, расплачивающимися за свои многочисленные преступления, они также выступают как аллегорические фигуры, представляющие потенциальную склонность ко злу, свойственную душе самого поэта и любой другой душе. Это схоже с «Градом обреченным», пока человек не признает собственный внутренний ад, никакому обществу, стране или человечеству в целом не достичь гармонии рая. Также можно сопоставить проводников, у Данте – это Вергилий, а у Стругацких просто Наставник.

Можно предположить, что братья Стругацкие, как и Данте пытались показать спасение как процесс искупления. Проводя Андрея через круги ада, Стругацкие возможно пытались объяснить почему людям не удаётся искоренить фашизм, сталинизм и расизм не только из головы, но и из реальности.

Но есть и отличия в понимании устройства мира у Стругацких и Данте Алигьери. У Стругацких этот мир вымышлен и фантастичен, но не полностью, в отличие от «Божественной комедии». «Этот мир соприкасается с жизнью Андрея и обладает осязаемостью эмпирической реальности. Юмор ситуации заключается в разнице между тем, как Андрей воспринимает, где он и кто он, и тем, как это воспринимает старик, который «в теме». Андрей все еще считает себя комсомольцем в мире живых («реальном» мире»), тогда как старик знает, что оба они тени в загробном мире» [Хауэлл, 2021: 91]. Поскольку взаимосвязь между реальным и вымышленным стирается, можно предположить, что и Андрей, и старик правы в осознании пространства, в котором они находятся – это и Советский союз двадцатых годов, и ад. Важно понимать: «Стругацкие аллегорически представляют Советский Союз как «нечто совершенно неотличимое по своим проявлениям от ада», не

ограничиваясь периодом сталинизма» [Хауэлл, 2021: 91]. Это можно доказать, приведя вторую часть романа. Андрей, который из мусорщика перерос в следователя, готов легко пойти на то, чтобы обвинить своего друга Изю Кацмана во имя деспотического закона против евреев – это будет нижний круг ада, который оставлен для всех совершённых предательств.

Многие исследователи, критики и литературоведы пытались подобрать некий ключ к загадке романа, разгадать и расшифровать его. Стругацкие писали такие тексты для того, чтобы читатели могли применить свой опыт и понять настоящую ценность произведения. И прежде всего – как совмещается эта рационализирующая риторика, ориентированная на описание знаков и поиск символов, с почти иррациональной преданностью «реалистичному миру», в котором «живут герои Стругацких»?

Глава 2. Поиск истины и анализ герменевтических подходов к пониманию романа братьев Стругацких «Град обреченный»

Роман «Град обреченный» был написан в 1972 г., но задумался он намного раньше – в 1967-м. Идея написать произведение возникла у братьев Стругацких ещё на этапе работы над «Сказкой о Тройке». Вот что пишет Б.Н. Стругацкий: «Впервые идея «Града» возникла у нас еще в марте 1967 года, когда всюю шла работа над «Сказкой о Тройке». Это было в Доме творчества в Голицыне, там мы регулярно по вечерам прогуливались перед сном по поселку, лениво обсуждая дела текущие, а равно и грядущие, и во время одной такой прогулки наткнулись на сюжет, который назвали тогда «Новый Апокалипсис» [Стругацкий, 1992]. Сюжет претерпел множество изменений, но несмотря на это можно вывести закономерность о том, что братья Стругацкие проявляли неподдельный интерес к загадочному городу и окончательному миру эксперимента.

Существует предположение, что братья Стругацкие позаимствовали название для своего романа у картины Николая Рериха, которая с первой минуты приглянулась им и поразила своей мрачной красотой и ощущением безнадежности. В 1969 был составлен план работы, и братья приняли окончательное решение назвать роман «Град обреченный». «В июне 1969-го мы составили первый подробный план и приняли окончательное название – «Град обреченный» (именно «обречЕнный», а не «обречённый», как некоторые норовят произносить)» [Стругацкий, 1992].

Сам Б.Н. Стругацкий писал, что в личных письмах, которые датируются ещё шестидесятыми годами, встречалось название «Мой брат и я» так как роман задумывался автобиографическим. «Подозреваю, это было нечто весьма непохожее на окончательный мир Эксперимента. Достаточно сказать, что в наших письмах конца 60-х встречается и другое черновое название того же романа – «Мой брат и я» [Стругацкий: 1992]. Ощутимо, что

роман задумывался изначально в значительной степени как автобиографический.

Автобиографичность романа безусловна. Это отмечают и сами авторы, и многие исследователи их творчества. Так, Д. Быков, рассуждая на тему автобиографичности романа, говорит об автопортрете братьев Стругацких, разделенном на три роли. Он предположил, что братья Стругацкие наделили своими чертами трёх героев «Града обреченного». «Это главный герой Андрей Воронин – звездный астроном, «имеющий черты преимущественно Бориса с его пафосом активного действия», второстепенный, но немаловажный персонаж Изя Кацман, концентрирующий в себе «еврейское сомнение», присущее авторам. И Фриц Гейгер – «человек действия, который бездействие считает позорным. Человек железной воли. А без железной воли тридцать главных текстов Стругацких не могли бы быть написаны» [Ротковский, 2020: 116].

В своём труде «Град обреченный» Ант Скаландис приводит пример истории из реальной жизни А.Н. Стругацкого, которая появилась в самом романе. Например, история полковника Маки – «это действительно существующий человек, которого когда-то давно допрашивал старший брат Аркадий Стругацкий, а в романе, мы видим рассказ Кэнси о двоюродном дяде, адъютанте господина Осимы» [Скаландис, 2008: 459]. Скаландис отмечает, что младший брат Борис Натанович на девяносто процентов прототип Андрея Воронина.

Или же глава, когда Андрей Воронин услышал рассказ в Красном Здании «о своём благородном старшем брате, который встречался с непривлекательными женщинами, чтобы дать хоть немногим из них такое яркое впечатление, чтобы на всю жизнь им было о чём вспоминать» [Стругацкие, 1992: 347]. Ант Скаландис изначально принимает этот фрагмент за описание героя, а потом утверждает в мысли, что это описание Аркадия Стругацкого. Он ведь тоже «красавец, в плечах косая сажень» [Скаландис, 2008: 459]. Подтверждает это биограф фактами биографии

Аркадия Николаевича Стругацкого, который пользовался успехом у женщин. «Девчонки сами вели на него атаку, он пользовался колоссальным успехом. Его любили самозабвенно к тому же. В общем, под описание старшего брата Воронина он вполне подходит, а «биография, ясное дело, изменена, но сам образ, сама жизненная позиция» [Скаландис, 2008: 459].

Важно обратиться к воспоминаниям о блокадном Ленинграде, в самом романе это видение Андрея на происходящее в Красном Здании. На протяжении всего романа чувствуется, что вся атмосфера романа переполнена исканиями, личными переживаниями, вопросами без ответов. Это можно объяснить словами самого Бориса Натановича Стругацкого: «Ни над каким другим нашим произведением (ни до, ни после) не работали мы так долго и так тщательно. Года три накапливали – по крупицам – эпизоды, биографии героев, отдельные фразы и фразочки; выдумывали Город, странности его и законы его существования, по возможности достоверную космографию этого искусственного мира и его историю – это было воистину сладкое и увлекательное занятие» [Стругацкий, 1992].

Братья Стругацкие писали свой роман на протяжении двух с четвертью лет, а черновик закончили за семьдесят полных рабочих дней. «27 мая 1972 поставили мы последнюю точку, с облегчением вздохнули и сунули непривычно толстую папку в шкаф» [Стругацкий, 1992]. Готовый роман братья не отправляли в издательства и не публиковали, а наоборот убрали его в архив, потому что понимали, что у него нет никакой перспективы. Хотя изначально они представляли, как закончат свою рукопись, как понесу её в издательство, как примут её читатели, как будут перечитывать текст вновь и вновь. Их оптимистичный взгляд сменился с началом семидесятых годов, и этот план выглядел уже абсолютно нереализуемым и небезопасным. Поэтому черновик мы прочли (вслух, у себя дома) только самым близким друзьям, а все прочие интересующиеся еще много лет оставались в уверенности, что «Стругацкие, да, пишут новый роман, давно уже пишут, но все никак не соберутся его закончить»

Спустя ещё два года, после дела «Хейфеца – Эткинда», после того как органы заинтересовались им, положение стало крайне опасным, потому что к любому могли прийти и конфисковать роман, а это значит только одно – исчезновение текста насовсем.

Вскоре после обостряющегося положения, братья Стругацкие распечатали три новых экземпляра романа, два из них отдали очень близким людям в Москве и Ленинграде. «Но подобраны эти люди были таким образом, что с одной стороны, были абсолютно и безукоризненно честны, вне малейших подозрений, а с другой – вроде бы и не числились среди ближайших наших друзей, так что в случае чего к ним, пожалуй, не должны были ПРИЙТИ» [Стругацкий, 1992].

Только спустя почти 15 лет в конце восьмидесятых годов получилось опубликовать роман в журнале «Нева», пройдя через нервные и судорожные действия. Роман разбили на две книги, утверждали, что первая книга написана давно, а вторая закончена сейчас. Это помогало обойти обком, который ослабил хватку, но всё ещё стоял над издателями. В связи с этим, первую книгу удалось выпустить в конце 88-го года, а вторая вышла в свет уже в начале 89-го года.

«Перестройка еще только разгоралась, времена наступали дьявольски многообещающие, но и какие-то неверные, колеблющиеся и нереальные, как свет лампы на ветру... Сильно подозреваю, что современный читатель совершенно не способен понять, а тем более прочувствовать всех этих страхов и предусмотрительных ухищрений» [Стругацкий, 1992].

Современная литература настолько изменилась, поэтому обыкновенному читателю, что можно было писать, а что нет. Сейчас это невозможно представить, но в советское время, например герой романа Андрей Воронин предстаёт нам благочестивым коммунистом, комсомольцем, человеком, который борется за счастье простого народа легко и непринуждённо, а в конце превращается в высокопоставленного чиновника

и вершителя человеческих судеб. Во времена советского союза это было абсолютно недопустимо.

Изя Кацман тоже очень противоречивый герой – он еврей, один из главных героев, который ведёт себя очень демонстративно и вызывающе. К тому же постоянно поучает главного героя, русского человека и вместе с этим побеждает его в идеологических спорах.

Так же помешать публикации могли рассуждения героев по ходу романа о возможной связи Эксперимента с проблемой построения коммунизма. «Вся атмосфера романа пропитана неверием, постоянными сомнениями, абсолютным нежеланием что-то провозглашать» [Стругацкий, 1992].

И всё-таки главной своей задачей братья Стругацкие ставили показать, как под давлением жизненных обстоятельств кардинально меняется мировоззрение молодого человека, как переходит он с позиций твердокаменного фанатика в состояние человека, словно бы повисшего в безвоздушном идеологическом пространстве, без какой-либо опоры под ногами.

«Как жить в условиях идеологического вакуума? Как и зачем?» Мне кажется, этот вопрос остается актуальным и сегодня тоже – причина, по которой «Град», несмотря на всю свою отчаянную политизированность и безусловную конъюнктурность, способен все-таки заинтересовать современного читателя, – если его, читателя, вообще интересуют проблемы такого рода» [Стругацкий, 1992].

Биография писателей и история публикации литературного произведения – это неотъемлемая часть при интерпретации текста. Ведь любая биография является историей, сюжет связан с представлениями о том, как писатель пришёл к тому или иному литературному произведению, какое место писатель занимает в литературной иерархии, как он может быть связан с событиями государственного порядка, какое значение для него имела личная жизнь. Все это необходимо для понимания текста.

2.1. Трактовка романа братьев Стругацких «Град обреченный» в литературно-критическом поле

Интерпретация художественного произведения является одним из самых актуальных вопросов методики преподавания литературы. Эту проблему можно связать с процессами осмысления и восприятия произведения и литературного процесса в целом, постижения литературы в жанрово-родовой специфике, особенностями чтения и анализа текста как результата творческой деятельности.

Художественное произведение предлагает такую модель отношений, с помощью которой содержимое самого текста учащийся пропускает через себя, становится проекцией собственных мыслей. Зачастую, знакомясь с художественным произведением человек отождествляет себя с героем, может даже сопереживать и сочувствует и сам становится участником описываемых событий. Ю.М. Лотман писал: «Текст ведёт себя как собеседник в диалоге: он перестраивается по образцу аудитории. А адресат отвечает ему тем же – использует свою информационную гибкость для перестройки, приближающей его к миру текста» [Лотман, 1996: 464].

Текст является знаковой системой, он подразумевает наличие истолкователя, то есть рассчитан на интерпретацию, то есть на творческую активность. Чаще всего, читатель – школьник не сразу приходит к свободному пониманию текста, общению с писателем. Для того, чтобы постичь текст мало просто проанализировать основные моменты, важен личный опыт читателя, общие знания по разным предметам, индивидуальные особенности ученика, например: воображение, мышление, восприятие. Человек видит в произведении ровно столько, сколько способен увидеть. Из этого становится понятно, что задача учителя подобрать интересное произведение, заинтересовать учеником, найти эффективные методы и приёмы

интерпретации и предоставить детям право дать самостоятельную интерпретацию.

Некоторым к обретению свободы в понимании нелегко подойти даже, читая школьную программу, например в таких произведениях: «Слово о полку Игореве», «Вишнёвый сад» Чехова, «Гроза» Островского, «На дне» Горького. Развивать и помогать постичь текст – это основная задача учителя, поэтому мы предлагаем шагнуть ещё дальше и разбирать произведения, выходящие за школьную программу на занятиях курса по выбору, где ученики не будут бояться ошибиться и получить отрицательную ошибку.

Недостаточность методической разработанности вопроса практического использования приёмов интерпретации на уроках литературы в старшей школе определил выбор произведения и направление интерпретации. Для рассмотрения мы взяли за основу роман братьев Стругацких «Град обреченный».

Прежде чем давать личную интерпретацию, необходимо ознакомиться с научной литературой, критическими статьями и отзывами в информационных сообществах.

А.В. Фролов в своей статье рассуждает на тему того, что роман «Град обреченный» является одним из самых неоднозначных произведений братьев Стругацких. «Десятки смысловых нитей переплелись причудливой бахромой вокруг стержня повествования – определенного временного отрезка из жизни главного героя» [Фролов, 2012: 5]. Однако он останавливается на одном аспекте этого многогранного текста. «В центре авторского внимания, а впоследствии и читательского внимания жизненные этапы главного героя Андрея Воронина, который теперь живёт не в Ленинграде, а в некотором Городе. Город, кстати, вполне отчетливо напоминает библейский Вавилон» [Фролов, 2012: 6]. И этому есть целый ряд причин. Гораздо интереснее Фролову исследовать не детали обстановки и сам Город, а действия и метаморфозы, происходящие с Андреем. Его путь от молодого, заинтересованного, оптимистичного коммуниста, до вершителя судеб. Он

расписывает весь путь главного героя с первой главы до последней, подбирая разные образы для раскрытия его типа героя. Например: в первой главе – это верблюд. «Ницшеанский образ верблюда, аллегория совершенного подчинения. Будучи «верблюдом», человек является, по сути, идеальным исполнителем, беспрекословным проводником чужой воли» [Фролов, 2012: 6].

Во второй главе Андрей предстает в образе льва. Этот этап характеризуется переходом индивида из статуса подконтрольного в статус контролирующего. «Человек поднимается над серой людской массой, он способен в той или иной степени диктовать ей свою волю и подчинять ее своим желаниям. Но вместе с тем, человек обнажает оскал своей природной злобы, он уже в гораздо меньшей степени альтруист и гуманист, чем во время предыдущего этапа» [Фролов, 2012: 7].

В третьей главе Фролов сравнивает образ Андрея Воронина с образом ребенка. Почему именно ребенок? «<...> создавать себе свободу для нового созидания – этого может достичь сила льва... Создавать новые ценности – этого не может еще лев...» – пишет Фридрих Ницше. Ребенок у Ницше – образ идеального независимого творца, близкий образу классического платоновского демиурга» [Фролов, 2012: 7].

В четвёртой главе Андрей Воронин, претерпев внутренний перелом перерождается. Теперь он главный советник правящего в Городе монарха Фридриха Гейгера по статусу, но по типу личности всё ещё лев. В пятой части Андрей Воронин, возглавляет целую экспедицию. Он все еще лев. Однако ребенок в нем уже начинает поднимать голову. «Андрей постепенно теряет контроль над ситуацией (если бы не полковник, солдаты подняли бы бунт гораздо раньше), а его злость и усталость не находят себе выхода в физическом плане. Андрей мыслит в единственно верном направлении» [Фролов, 2012: 8].

И, наконец, в шестой части Фролов пишет: «момент, когда Воронин окончательно становится ребенком, уловить сложно. Точно можно сказать,

что происходит это в последней, шестой части произведения. Сложность же заключается в том, что, как уже упоминалось выше, слишком много кафкианского, сюрреалистического в завершающем разделе повести. На мой взгляд, Андрей трансформируется из льва в ребенка, заканчивая свой эволюционный цикл, в тот миг, когда возвращается из Города в реальный мир. Именно такой мне видится концовка повести» [Фролов, 2012: 8].

В 2009 году в журнале «Русская словесность» вышла статья Елены Борода, где она сходится с Фроловым в мнении о том, что это очень противоречивый роман, но представляет своё понимание текста. Кто руководит Экспериментом неизвестно, замкнутость Города оказывается мнимой, обитатели города многонациональны, но говорят на одном языке и с лёгкостью понимают друг друга, отношение к Эксперименту не может быть одинаковым, нет никакой власти, каждый участник Эксперимента преследует свою цель.

Самой интересной выступает интерпретация Города. «Относительно того, что собой представляет Город, может быть множество предположений. Одно из них, самое явное, сопоставимо с идеей ада или чистилища. Ад как принцип возмездия – вне конфессий. Сотворивши зло, вы всегда надеялись уйти от наказания, потому что наказать вас могли такие же люди, как вы. А если вам случалось сотворить добро, вы требовали от таких же, как вы, немедленной награды. Вы были смешны» [Борода, 2009].

Помимо вышеупомянутых исследователей, интерпретация Сидорова в книге «Судьба сверхчеловека (К 175-летию со дня рождения Ф.Ницше и 90-летию братьев Стругацких)» важна для осмысления романа. Он утверждает, что всё повествование пронизывает «философия власти». «Выходит, мусорщик Воронин был прав! Какой уж там «договор»? «Отбор», о котором тянул речь Наставник, есть не что иное, как «кадровая политика», а невнятные порой ответы на вопросы следователя Воронина объясняются тем, что Наставник вынужден лавировать между нищезанемством и большевизмом» [Сидоров, 2019: 203].

Также, как и Фролов, Сидоров упоминает о Ф.Ницше и говорит: «известно, что Ницше, с его индивидуалистическим и радикально-аристократическим идеалом сверхчеловека, был страстным врагом демократов и социалистов. Это не помешало, однако, последним оказаться под его влиянием, и недаром Г. В. Плеханов называл В. И. Ленина и его сторонников ницшеанцами и сверхчеловеками» [Сидоров, 2019: 204]. А в разговор следователя Воронина с Наставником можно было бы вставить в виде реплики едкое замечание Ницше в адрес социалистов: «Если хотят цели, то хотят и средств: если хотят рабов, то надо быть дураками, чтобы воспитывать их для господства» («Сумерки идолов») [Стругацкие, 1998].

Многие зарубежные писатели того времени использовали постмодернистские приёмы, братья Стругацкие почти одновременно с западными экспериментами предвосхитили открытия русской литературы и стали одними из немногих, кто писали научную фантастику. Чаще всего, при обсуждении их успеха делают акцент в первую очередь на социальную философию произведения, а не на новаторство в области художественного языка. «Елиферова в своей работе под названием «За четверть века до «Имени Розы». Братья Стругацкие как пророки русского постмодернизма», говорит о том, что до сих пор заслуга Стругацких состоит в том, что они были первыми авторами, которые привнесли в русскую литературу принципы постмодернистского письма – ироническую игру аллюзиями и культурными контекстами, перелицовку известных мифологических и литературных сюжетов, смешение стереотипов «высокого» и «массового» [Елиферова, 2018].

Интересно, что Елиферова подчёркивает глубокий смысл в других произведениях братьев Стругацких таких, как: «Понедельник начинается в субботу», «Улитка на склоне», «Попытка к бегству». А про «Град обреченный» говорит: «В этом отношении поздние, стоящие вне «полуденного» цикла романы Стругацких («За миллиард лет до конца света», «Отягощенные злом», «Град Обреченный» и т.д.), при всех их

художественных достоинствах, не столь интересны историку литературы – их место в литературном контексте уже ясно: они прочно вплетены в то же полотно, что и романы Харуки Мураками, Джулиана Барнса, Умберто Эко, Питера Хёга, традиционно относимые не к фантастике, а к «мейнстримной» литературе» [Елиферова, 2018].

Впрочем, такой вывод мог основываться на том, что понимание фантастики к 1980 годам успело измениться и разграничение между фантастикой и «нефантастикой» утратило смысл в литературе постмодерна.

Иная позиция у Вишневского, близкого друга Стругацких на протяжении двадцати лет. «Для того, чтобы понять о чём писали братья Стругацкие, крайне необходимо знать и учитывать то, о чём они думали и как смотрели на мир» [Вишневский, 2018]. Вишневский говорил, что одна из любимых тем для обсуждения с Борисом Стругацким – это «миров братьев Стругацких», в каком из миров Стругацких, мы сейчас живём?

Ответ на этот вопрос, менялся с каждым годом, по мере того как менялась сама жизнь. И с каждым годом Вишневский не переставал удивляться предсказаниям братьев Стругацких. «Может быть (как не раз шутили мы, их читатели и ученики), Стругацкие были или прогрессорами из другой звездной системы, или «контрамотами», живущими из будущего в прошлое, и потому совершенно точно знавшими наше будущее» [Вишневский, 2018].

Братья Стругацкие всегда хотели жить светло и радостно как изображено в их повести «Полдень. XXII век». Они продолжали этот мир в дальнейших своих произведениях: «Малыш», «Далёкая радуга», «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Парень из преисподней», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер». Они верили в коммунизм и видели в нём светлое будущее, где базовые потребности будут удовлетворены, а главной силой станет познание окружающего мира. Единственное, что могло воспрепятствовать этому – ограниченность человеческих ресурсов и отсутствие возможности на пути к этому познанию.

«Помимо этого, этот мир, где труд на благо общества считается естественной обязанностью и потребностью каждого; где жизнь разумного существа признана безусловной и высшей ценностью, а проявление агрессии и недоброжелательства по отношению к ближнему – вопиющее исключение; где политические проблемы сменились этическими» [Вишневский, 2018].

Мечтам о коммунизме не удалось сбыться, начался период шоковых экономических реформ. Как вспоминал Б.Н. Стругацкий, изначально они с братом были уверены, что написали антиутопию, изобразили мир, в котором каждому уважающему себя человеку тошно и стыдно жить. Но затем один мудрый читатель задал им совершенно неожиданный вопрос: «А чем, собственно, так уж плох этот ваш мир? Ведь на самом деле он существует по принципу «каждому – свое», а это далеко не самый плохой из принципов существования» [Вишневский, 2018]. Как оказалось, это мир, конечно, имеет недостатки, мирится с ними сложно, а иногда просто невозможно, он казался непереносимо отвратным, убогим и пакостным, но вместе с тем содержал немало светлых уголков, например большой простор для духовной жизни, человек в этом мире оказался совершенно свободным, оставалось лишь действовать.

«Борис Натанович считал, что мир, который они с братом придумали – недостижим, а вот мир Джорджа Оруэлла «1984» уже позади, именно поэтому отношение к этому миру, как к антиутопии переменялось. Наступила «эпоха стабильности», и окружающий нас мир стал похож на Город времен правления Фридриха Гейгера из «Града обреченного» [Вишневский, 2018]. Это мир, где можно возражать и спорить с начальством, и это не будет считаться подвигом, только вот стоит ли рисковать? В этом мире главный принцип «умные нам не надобны, надобны верные».

Остановимся на еще одном показательном и выразительном примере. Исследователь Ротковский рассуждает об образе главного героя «Града обреченного» Андрея Воронина. Изначально, рассматривая образ,

Ротковский делает акцент на том, что имя и фамилия героя берут свое начало в древней Греции. «Андрос» – в переводе означает «Мужество». «В Византии имя носили отпрыски благородных семей. На Руси имя стало известно благодаря Андрею Первозванному – Апостолу, одному из первых учеников Христа» [Ротковский, 2020: 14]. Это доказывает проповедь по Евангелию от Иоанна: «Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра» [Иоан. 1: 40]. Вообще, имя Андрей очень распространено, а в 1970-х годах популярность этого имени достигла пика. В контексте эпиграфа (стиха из «Откровения») имя и фамилия занимают определенное смысловое положение. «Нам кажется, что одна из целей, которую преследовали авторы, называя персонажа, это стремление сделать его «одним из», показать его «массовость», намекая, что таких Андреев Ворониных ещё целая страна» [Ротковский, 2020: 15].

Андрей Воронин, как будто обезличен, он предстаёт в образе коммуниста, который лишён индивидуальных черт и не наделён внешностью, но несмотря на это его образ очень узнаваем. «В начале романа Воронин зациклен на навязанной извне идеологии, он убежденный сталинист, он совершенно не способен к адекватному диалогу. Так же, как и не способен понять другого человека. Лишенный индивидуальности раб системы и приспособленец. Андрей даже разговаривает чаще всего в назидательной манере, а в речь его изобилует советской риторикой» [Ротковский, 2020: 15].

Построение коммунизма – это единственное дело, которым стоит заниматься. Он мечтает о счастье для всех, эксперимент – это просто путь к идеалу, и он может быть каким угодно будь то лёгким или очень трудным, но на деле выходит наоборот: зачастую Андрей плохо справляется со своей работой или вообще не делает её, предаёт товарища, возносит начальство в самый высший ранг, ставит себя выше других и использует своё служебное положение. Б.Н. Стругацкий говорит о персонаже так: «А сам главный герой,

Андрей Воронин, комсомолец-ленинец-сталинец, правовернейший коммунист, борец за счастье простого народа – с такую легкостью и непринужденностью превращающийся в высокопоставленного чиновника, барина, лощеного и зажавшегося мелкого вождя, вершителя человеческих судеб?» [Ротковский, 2020: 16].

Сам по себе роман очень тяжёлый, в нём присутствует много философских и онтологических исканиях самих братьев Стругацких. Можно сказать, что роман – это рефлексия над сущностью человеческой жизни.

Александр Владимирович Фролов не переставал искать ответы на поставленные вопросы в романе братьев Стругацких «Град обреченный», поэтому в 2012 г. пишет еще одну статью под названием «Повесть братьев Стругацких “Град обреченный”: от Люцифера к Пифагору». В ней он останавливается лишь на паре идей, которые доказывают несравненное мастерство писателей.

Изначально Фролов пишет, что главный герой Андрей Фролов представляет проекцию библейской истории о падении Люцифера, с восстановлением его в образе Дьявола. «Кроме того, в результате анализа личностного развития Воронина в непосредственном взаимодействии с нумерологической символикой текста, становится абсолютно очевидным тот факт, что путь главного героя Стругацкие вырисовывали с применением фундаментальных догматов Пифагорейского учения» [Фролов, 2012: 250].

Для того, чтобы глубже рассмотреть образ Андрея Воронина, важно понимать библейское понимание «Града обреченного». Фролов приводит несколько отсылок к Библии. «Первая отсылка – это эпитафия из откровения Иоанна Богослова: «Знаю дела твои и труд твой, и терпение твое и то, что ты не можешь носить развратных и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы» [Фролов, 2012: 250]. Этот эпитафия может подсказать читателю о том, что идея романа рассказать о трудности поиска истины и неизбежным столкновением с многочисленной ложью в разных её проявлениях.

Вторая отсылка – характерные черты мира «Града обреченного». Люди, живущие в этом Городе, говорят на одном языке, но при этом разных национальностей. «Помните, как это вас поражало, как вы недоумевали, пугались даже, как доказывали Кэнси, что он говорит по-русски, а Кэнси доказывал вам, что это вы сами говорите по-японски, помните?» [Стругацкие, 2010:14]. Слова Наставника напоминают библейский Вавилон, в котором все люди сначала говорили на одном языке. В романе строительство Вавилона можно сравнить с «храмом совести» Андрея Воронина, воплощённого в виде Красного здания. Если сравнивать с Вавилоном из Откровения Иоанна Богослова, то картина сложится иначе. «И жена облачена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным... Жена же, которую ты видел, есть великий город...» [Новый Завет: 301]. Очевидно, что это описание очень точно подходит для Града Обреченного, беспорядочного и непредсказуемого мира, лишённого всякого строя и надежды на светлое будущее. С другой стороны, слова о некой женщине и её пороках, если не брать во внимание символический аспект, отчетливо подталкивают обратить внимание на Сельму Нагель.

Третья отсылка – это слова старика: «Вы – Люцифер, – проговорил старик с благоговейным ужасом. – Гордый дух!» [Стругацкие: 1998]. Видя эту фразу, сразу становится понятно, что стоит переосмыслить весь путь развития Андрея Воронина.

2.2. Трактовки романа братьев Стругацких «Град обреченный» в публицистическом дискурсе

В современном литературоведении самыми существенными вопросами являются: вопрос о функции каждого языкового средства, вопрос о

стилистических приёмах в публицистике, вопрос о том, как эти приёмы отражают общее движение мысли в целом. Ведь для того, чтобы увидеть автора полемизирующего, отстаивающего свою позицию, пытающегося убедить в своей правоте читателя, необходимо обратиться напрямую к тексту. «Автор – как процедура! Не человек, который написал текст. Человек всегда есть. Но он может перестать быть, а автор у текста остается. Не важно, был Шекспир или его не было. Важно, что есть тексты, а значит, есть автор. Автор – это функция текста, а не человек. И это внутренняя процедура регулирования дискурса» [Фуко, 2007].

В публицистическом дискурсе существует множество интерпретаций романа Стругацких «Град обреченный». К примеру, Волков С. В своей рецензии «Бред взбудораженной совести» интерпретирует роман через личные ощущения от мира настоящего. №Мир «Града обреченного» – это мир нашего настоящего» [Волков, 2008]. Сергей Волков, как и многие исследователи, считает, что роман «Град обреченный» – это роман-пророчество, роман о том, что происходит с Родиной и что ещё может произойти.

Для Волкова Город, представленный в романе, можно представить как современное типичное поселение с обычными обитателями, которые бессильны перед вышестоящими. Персонажи романа оказались в Городе добровольно. Ну, или принудительно-добровольно. Хотя некоторые, как мы знаем, попросту сбежали в Город, как бегут в секту, в сетевой маркетинг или в движение ролевиков и реконструкторов. «Например, глава «Мусорщик» – это время начала девяностых, период демократии ваучеризации, кандидатов наук, работающих грузчиками, города, заросшие палатками, стрельбу на улицах, повально безденежье и Ельцин» [Волков, 2008]. Всё это описание того времени приводится для того, чтобы понять, что Стругацкие написали именно об этом. В советское время люди не управляли своей судьбой точно так же, как и в «Граде обреченном». Судьбами людей правит случай, они не

выбирают профессию, в Городе торжествует криминал, власть становится бессильна.

Когда люди перестают быть единым обществом, единым народом, когда каждый думает только о своей шкуре, на их место приходит другое общество, другой народ. «И павианы, как мы теперь знаем, далеко не худший вариант. Сейчас, наблюдая за событиями в Европе и США, наблюдая за кадрами многочисленных стримов, снятых самими участниками протестов, трудно отделаться от мысли, что ты смотришь экранизацию «Града обреченного». Кажется, что вот-вот мелькнут в толпе Андрей Воронин, Фриц Гейгер или всклокоченный Изя Кацман с восторженными глазами городского сумасшедшего» [Волков, 2008].

Илья Садчиков в своей интерпретации пришёл к выводу о том, что братья Стругацкие пытались завершить роман так, чтобы читатель получил ответ хотя бы на несколько вопросов, но получилось иначе. Вопросы, заданные самому себе при чтении, оказываются намного важнее ответов. «Впрочем, в «Граде обреченном» вопросы ценнее ответов, ибо сам факт их постановки показывает, что понимание наших социальных проблем существует и когда-нибудь мы поймем, как же все так получилось, и что нам со всем этим делать» [Садчиков, 2020]. По его мнению, роман написан очень простым языком, но у читателей точно не получится быстро прочитать его, из-за остановок на сюжетных поворотах.

Другой позиции придерживается Дмитрий Летвинцев и утверждает, что роман очень загадочный и сложный, поэтому разбирать его бессмысленно. Каждый раз при прочтении можно выходить на второй смысловой слой, потом на третий, четвёртый и так до бесконечности.

«Один из самых сильных, сложных и загадочных романов братьев Стругацких. Пытаться как-то его разобрать – бессмысленно. Второй раз читаю, выхожу на второй смысловой слой, подозреваю, что есть и третий, возможно и четвёртый. Поэтому поделюсь впечатлениями, мыслями, которые появились в процессе прочтения» [Летвинцев, 2019]. Летвинцев,

анализируя роман множество раз, так и не смог понять Город – иной ли это мир или же иное измерение, поэтому называет его пространством. Но, как и другие исследователи Летвинцев сходится на мнении, что люди туда попали не просто так. «Разные люди там встречаются, кто-то бежит от действительности, с которой не мог ужиться на Земле, кто-то по идейным соображениям (например, как главный герой строить светлое будущее), кто-то просто из любопытства или скуки. А кому-то предлагают Эксперимент как альтернативу смерти» [Летвинцев, 2019].

Летвинцев останавливается на четырёх принципиальных, по его мнению, вопросах. Кто и для каких целей создал эксперимент? Почему в одну область мира попадают люди из одной эпохи? Почему у власти может быть любой человек и что после этого будет? Общества, достигшие гомеостаза, рано или поздно саморазрушаются, так было и на Земле, почему тут должно быть иначе? В итоге добавляется вопрос по форме изложения. Для чего нужна ретроспекция? «Каждая следующая глава начинается через достаточно большой промежуток времени от предыдущей, и далее, по ходу повествования рассказывается о том, что было между концом предыдущей и началом следующей. При чем многие события просто пропускаются. Сюжетную, да и смысловую нить подхватываешь порой с трудом. Это особенно заметно в конце, такое впечатление, что Стругацкие утомились и всё путешествие после крушения Экспедиции ими было написано с единственной целью – подвести повествование к диалогу героев о культуре» [Летвинцев, 2019]. Впрочем, вопросов у Летвинцева осталось больше, чем ответов и это вполне свойственно для творчества братьев Стругацких.

Б.Н. Стругацкий на интервью С. Лурье говорил: «Вы знаете, Саня, вообще-то «Град обреченный» – это роман о крахе всех иллюзий, а не только социалистических или коммунистических. Это даже не столько социальный эксперимент, сколько эксперимент психологический, что ли. Ибо это была попытка двух людей, тогда еще сравнительно молодых... Это была попытка людей, которые начинали жизнь как отпетые коммунисты – не просто

коммунисты – это были коммунисты-сталинисты, то есть, люди готовые...» Б.Н. Стругацкий признавался, что с трудом верит в то, что они смогли написать роман и сравнивает себя и брата с типичными героями оруэлловских романов. Делая акцент на том, что они всю жизнь с братом придерживались мысли: что органы не ошибаются, и тот факт, что наш дядя, коммунист с дореволюционным стажем, расстрелян в 37-м году, а отец исключен из партии в 37-м году, – тоже большевик с 16-го года» [Симановский, 1997].

Братья Стругацкие писали так, потому что просто не умели иначе, потому что были очень темпераментными и пытливыми. Даже если бы перед ними поставили задачу написать что-то возвышенное, лёгкое это навряд ли бы получилось. В этом и есть особенность их творчества.

2.3. Интерпретации романа в информационных сообществах

Братья Стругацкие – это яркий пример авторов, которые написали несколько десятков популярнейших романов и повестей, они переведены на множество разных языков, их печатали тиражом в миллионы экземпляров в разных странах. В своих книгах братья Стругацкие поднимали вопросы, которые до сих пор остаются актуальными среди большинства живущих на планете людей. Чаще всего в их произведениях за фантастическим сюжетом скрываются проблемы реальные, именно поэтому книги настолько запоминающиеся и интересные для чтения не только взрослым, но и молодым людям.

Стругацкие не побоялись затронуть те проблемы, которые в СССР не принято было обсуждать: жестокая власть, проблемы общества, потребительская лихорадка. Люди перепечатывали их творения, записывали на диктофоны и запоминали цитаты наизусть. Они опережали своё время и точно не предлагали готовых ответов, показывая, что каждый человек должен сам сделать выбор и нести за него ответственность. Таким образом

проявляя своё уважение к читателю. Их книги восхищали первых читателей и остаются актуальными до сих пор, поэтому мы предлагаем рассмотреть отзывы пользователей информационных сообществ, чтобы убедиться, что роман «Град обреченный» волнует читателей в двадцать пером веке.

Существует огромное количество сайтов, на которых читатели могут делиться своими впечатлениями друг с другом, например сайт livelib.ru. Пользователь с ником [frogling_girl](#) пишет о том, «что этот роман не просто книга, прочитав её, она останется надолго в памяти и заставит задуматься каждого человека. Бывают книги, которые нельзя просто взять и прочитать. Вернее, конечно, можно, но целостного понимания в таком случае не возникнет. Будет просто знание сюжета, который еще вдобавок покажется странным/непонятным/плохим просто в силу того, что нет в человеке знания того, зачем и почему автор сотворил такую картину. Иногда к чтению этих книг надо готовиться заранее»¹. Для того, что понять роман Стругацких необходимо искать дополнительную информацию и до прочтения, и после. «Не уверена, что это самое сложное произведение АБС, но для меня оно однозначно оказалось очень непростым. Город – это ад. Это и "круг первый", который упоминается в конце, и то, как разные персонажи упоминают Данте, и очень разношерстная выборка людей, попавших из разных стран и разных времен. Это даже сама идея Эксперимента, потому что он тоже кажется изошренной пыткой. И мне нравится эта концепция». Позиция пользователя лишь догадка, потому как на одном из интервью братья Стругацкие официально опровергли данную информацию, но она не останавливается только на этом варианте. А задаётся другим вопросом: что же такое эта самая главная тайна города?².

Роман «Град обреченный» можно воспринимать по-разному и внимание пользователя сфокусировалось на том, что лежит на поверхности, то есть на главном герое и его необычайной трансформации. От мусорщика

¹ См.: [URL:https://www.livelib.ru/work/1000897553/reviews-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie](https://www.livelib.ru/work/1000897553/reviews-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie)

² См.: [URL:https://www.livelib.ru/review/2512597-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie](https://www.livelib.ru/review/2512597-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie)

до помощника президента. А потом от помощника президента до главы экспедиции и затем до одинокого странника. От человека, который готов умереть за свои убеждения, до человека, который все их растерял и отчаянно ищет, чем заполнить образовавшуюся пустоту³.

И всё же самыми интересующими вопросами для пользователя frogling_girl оставались: и что он там делает вообще в этом городе? Зачем он там? Почему он согласился на Эксперимент? Именно поэтому при прочтении «Града обреченного» нужно быть готовым к тому, что в итоге останется больше вопросов, чем ответов. И мне кажется, что сами АБС предполагали, что читатель будет возвращаться к этой истории не один раз, чтобы с каждым новым витком открывать для себя новые грани работы⁴.

Другой пользователь с никнеймом Primus_riparatore интерпретировал роман по-своему, говоря о том, «что «Град обреченный» это роман, который вызывает желание стать детективом. Строить многочисленные теории, рисовать чертежи, соединять красными нитями на доске фотографии его героев, бурно спорить со своими коллегами-читателями, стараясь на эмоциях не распустить кулаки. Выслеживать филологов на черных машинах с затонированными стеклами, хватать их, светить в глаза фонарем, проводя допрос с пристрастием»⁵.

Дальше пользователь заостряет внимание на самом городе и говорит, что может те события, которые происходят в городе не так уж и важны, возможно это некий антураж, который помогает показать личностные изменения главного героя Андрея Воронина. Ведь он, как и авторы, и, пожалуй, все советское поколение, из человека, твердо стоящего на ногах, непоколебимо верящего в идеологию, превратился в человека, у которого сухожилия подрезали. Все, во что он верил отобрали, а ничего взамен не

³ См.: URL: <https://www.livelib.ru/book/1001563696/reviews-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie>

⁴ См.: URL: <https://www.livelib.ru/book/1001563698/reviews-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie>

⁵ См.: URL: <https://www.livelib.ru/book/1001563697/reviews-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie>

дали...И всё равно читатели больше всего хотят разобраться с главным героем, а не проследить все линии, которые существуют в романе.

Так же, как и пользователь Primus_riparatore, пользователь Mike87 отмечает метаморфозы, связанные с Андреем Ворониным. «Странные метаморфозы главного героя и вот Андрей уже-лоснящийся от достатка чуть ли не брудершафт пьет со своим идеологически заклятым врагом, что-то там слабо вякая про жестокость и насилие и неприятие подобных методов. Это коммунист-то! Не верится мне в такое радикальное изменение ГГ»⁶. Mike87 считает, что Андрей опустился на самое дно. Где тут вера в доброе и вечное и хоть какую-то справедливость? Нет и не было. Герой опустошен и измотан к концу романа, но финал произведения говорит нам что всех этих душевных катастроф недостаточно, но роман производит хорошее и неизгладимое впечатление на читателя.

Пользователь Erlabero, читая роман ощущал странное чувство реальности и нереальности одновременно. При этом рассматривает только главного героя, как и вышеприведённые пользователи. Описывая изменения Андрея Воронина, различные обстоятельства, которые привели его к этому, делает вывод, что главный герой снова обретает цель в жизни. Мы видим, как он постепенно утрачивает цель, которой он руководствовался бы он в своих поступках, и видим, как под влиянием тяжелых обстоятельств он эту цель вновь обретает. Но помогло ли ему наличие этой цели? На этот вопрос, пожалуй, каждый даст свой собственный ответ, поскольку авторы оставляют нам широкий простор для интерпретаций...»⁷.

Как проходит вербовка жителей? Что это за место: чистилище по Данте, сон, бесконечный и циклический опыт, страшный суд или терзания в духовных поисках?.. А если сотни людей никогда не были на Земле и родились в Граде? Нужно ли искать точку отсчета? У каждого свой ноль? Что было в папке? Как объяснить феномен Красного Здания? Что

⁶ См.: [URL:https://www.livelib.ru/book/1001563696/reviews/~2](https://www.livelib.ru/book/1001563696/reviews/~2)

⁷ См.: [URL:https://www.livelib.ru/book/1001563697/reviews/~2](https://www.livelib.ru/book/1001563697/reviews/~2)

приключилось в Экспедиции “Зигзаг”? В чем заключаются смысл для каждого человека? Может быть, стоит поверить Изе и его теории про Храм Искусства? Меня тоже интересует вопрос, почему в Граде нет художников, режиссеров, творцов? А кто был ДО? Все эти вопросы появились при прочтении у пользователя nothing_222, но мы понимаем, что каждый из читающих должен сам найти решение и ответить на поставленные вопросы.

Для некоторых пользователей роман братьев Стругацких стала очень жизнеутверждающей книгой, хотя не до конца понятной. Например, пользователь М_М_М говорит: очень неравномерная книга, которой я всё прощаю за такую замечательную жизнеутверждающую концовку. Неравномерна книга в том, что первая половина очень динамична, потом книга резко теряет темп, и буквально на последних пяти процентах так же резко его набирает и завершается оглушительным крещендо⁸.

Для других пользователей «Град обреченный» показался романом о воспитании, взрослении, о поиске и о разочаровании. KaterinaYazeva пишет: Роман о борьбе хаоса и порядка. Эксперимент для меня вообще не про СССР. Эксперимент – это попытка попробовать смоделировать путь развития мира. Каким путём мы пойдём? Где все равны? Где масса правит или элита? Где большинство или меньшинство? А как туда идти?

Сходство с пользователем KaterinaYazeva можно проследить у пользователя Alphyna. Alphyna, как и многие другие читатели, задается вопросом, о чем эта книга и пытается ответить на него. О совести, авторитаризме и власти. Главный герой, Андрей Воронин, страстный, искренний и добрый молодой коммунист, попадает в пространство некоего Эксперимента. цель его неясна, а главное его свойство состоит в том, что в Городе, где происходит действие, есть закон, по которому люди обязаны раз в некий период менять профессию. Воронин приходит в Эксперимент

⁸ См.: [URL:https://www.livelib.ru/book/1001563696/reviews-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie](https://www.livelib.ru/book/1001563696/reviews-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie)

строить коммунизм, упорядочивать хаос – в общем, улучшить мир, но идеализм его быстро начинает разрушаться.

Интересная интерпретация у Alevtina_Varava. Чтобы сатира и пародия хорошо воспринималась, сатиру и пародию нужно вплетать в сюжет. А тут вроде, как и есть сюжет для показа сатиры и пародий на социалистическое, но все равно классовое, общество – но читателя ждет сюрприз. Авторы набросают массу загадок и интриг, но... фигурки вам, а не ответ. Пользователь Alevtina_Varava уверен в том, что, приближаясь к финалу романа, загадок становится в разы больше, а сатира и пародия теряет свою прелесть.

Пользователь Denis_Dombrovskiy через этот роман почувствовал то, что называется «Миры Стругацких». Совокупность образов, проработанных деталей, сюжетов, мыслей, которые расходятся на цитаты, то, что делает произведение желанным к прочтению, или даже к прочтению ещё раз. Что такое социальная фантастика, что такое философия в фантастике, что такое глубокомысленная фантастика – всё в романе есть! Антиутопия, и фантастика, и философия, и незаконченность конца, и, наверное, самое главное свойство этого романа – он побуждает к мыслительной деятельности.⁹ Важно понимать, что роман «Град обреченный» не даст ответы на вопросы, он даст почву для новых, чем и поражает читателей.

Братья Стругацкие при каждом прочтении открываются по-новому. Благодаря их творчеству можно проследить перемены в стране. Их произведения воспринимались по-разному, но всегда остаются социальными и даже остросатирическими. Любовь к их книгам объединила несколько поколений, которые родились и выросли в СССР и нынешнее молодое поколение, в том числе и людей из зарубежных стран. Опираясь на вышеприведённые отклики людей, бесспорно, можно сказать, что Стругацкие лучшие писатели своего времени.

⁹ См.: [URL:https://www.livelib.ru/book/1001563699/reviews-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie](https://www.livelib.ru/book/1001563699/reviews-grad-obrechennyj-arkadij-i-boris-strugatskie)

Заключение

Братьев Стругацких сложно воспринимать поодиночке. В истории отечественной литературы они воспринимаются как единая фигура – соавторы, оставившие огромное литературное наследие. Их творчество оказало существенное влияние не только на литературу, но и на кинематограф. Режиссёры, покорённые содержанием текста, такие как А.А. Тарковский, А.Ю. Герман и А.Н. Сокуров, пробовали переложить их произведения на киноленту. Стругацкие старались познакомить читателей с вымышленным художественным миром, в котором, несмотря на обилие фантастического, «не-человеческого», главным является человек со своими достоинствами и недостатками.

В ходе исследования мы изучили теоретико-методологическую литературу, соответствующую теме исследования, определили теоретические границы понятия, рассмотрели весьма обширный корпус трактовок романа Стругацких «Град обреченный» и разработали конспект урока, предназначенный для курса по выбору, который может быть предложен ученикам старших классов.

Кроме того, были изучены различные аспекты биографии и творческого пути братьев Стругацких, привлечен к анализу не только «Град обреченный» и «сопровождающий» этот роман шлейф его прочтений, но и другие художественные произведения и дневниковые записи братьев-соавторов.

Стругацкие писали «трудную» литературу, их произведения стоит отнести к «открытым» (по терминологии Умберто Эко), но этот факт никогда не отталкивал читателей, а наоборот – привлекал их. В их творчестве над человечеством в описываемом мире постоянно проводится какой-то непостижимый и нескончаемый эксперимент. Именно поэтому нас больше всего заинтересовал роман «Град обреченный».

Роман «Град обреченный» опубликовали спустя 16 лет, после его написания, потому как он продолжает библейскую традицию описания города Вавилона. При этом ни в записях, ни в интервью, ни в документах нет подтверждения того, что братья Стругацкие хотели воспроизвести в своем романе историю современного Вавилона. На это указывает лишь сюжет о разных людях, которые по каким-либо причинам попали в этот Город-эксперимент. При этом участие в эксперименте не всегда было добровольным. Находясь на краю жизни, после голода, тюрьмы, войны, некие высшие существа предлагали людям принять участие в эксперименте.

Описывая Город, Стругацкие опирались на картину Рериха «Град обреченный», которая однажды поразила их своей мрачной красотой и одновременно ощущением безнадежности. Сложившееся впечатление братья Стругацкие передали в описании своего живого, саморазвивающегося Города в «Граде обреченном».

В настоящей работе мы постарались предпринять комплексный анализ герменевтических подходов разных исследователей, литературоведов и «рядовых», непрофессиональных читателей к роману Стругацких «Град обреченный». Разумеется, едва ли можно считать эту тему исчерпанной. Перспективой работы нам видится применение такого подхода ко всему корпусу произведений А.Н. и Б.Н. Стругацких, отраженных в зеркалах литературной критики, литературоведческого анализа и читательской рецепции.

Список использованных источников и литературы

1. Амусин М.Ф. Стругацкие и принцип неопределенности // Нева. 2005. № 4. С. 190–200.
2. Бойко В.А., Постнов О.Г. Истина в пространстве художественного текста // Критика и семиотика. 2006. № 8. С. 4–23.
3. Борев Ю.Б. Теории, школы, концепции. Художественная рецепция и герменевтика. М.: Наука, 1985. 289 с.
4. Борев Ю.Б. Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». М.: Современный писатель, 1981. 399 с.
5. Борода Е.В. Испытание властью как способ становления характера героя в романе братьев Стругацких «Град обреченный» // Лаборатория фантастики. 2009. URL: http://www.rusf.ru/abs/rec/bor_grad.htm (дата обращения: 1.06.2022).
6. Быков Д. Л. Стругацкие. Почему обречен град обреченный // Лекторий «Прямая речь». 2013. Аудиолекция. URL: https://www.pryamaya.ru/dmitriy_bykov_lektsiya_strugatskie_pochemu_ob_rechen_grad_obrechennyy (Дата обращения: 1.06.2022).
7. Волков С. Бред взбудораженной совести... // Fitzroy. 2008. URL: <https://fitzroy.com/cultura/bred-vzbudorazhennoj-sovesti/> (дата обращения: 1.06.2022).
8. Володихин Д., Прашкевич Г. Братья Стругацкие. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2012. 410 с.
9. Габбасова С.Х. Интерпретация и анализ разграничение подходов. URL: http://www.rusnauka.com/14_NPRT_2010/Philosophia/67033.doc.htm (дата обращения: 1.06.2022).
10. Гучинская Н.О. Hermeneutica in nuce. Очерк филологической герменевтики. СПб.: Церковь и культура, 2002. 128 с.
11. Дильтей В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 726 с.

12. Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. М.: КомКнига, 2010. 304с.
13. Елиферова М.В. За четверть века до «Имени Розы». Братья Стругацкие как пророки русского постмодернизма // Горький. 2018. URL: <https://gorky.media/context/za-chetvert-veka-do-imeni-rozy/> (дата обращения: 1.06.2022).
14. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта, 2000. 248 с.
15. Кайда Л.Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция. 3-е изд. М.: Флинта, 2008. 241 с.
16. Кузнецов М.Ю. Герменевтика. Часть I: что понимать под термином «герменевтика»? Часть II: место герменевтического метода в моей дипломной работ // Самиздат. URL: http://samlib.ru/k/kuznecow_mihail_jurxewich/thehermeneuticmethodinmythesis.shtml (дата обращения: 1.06.2022).
17. Кузнецова А.А. Творчество братьев Стругацких в зарубежной критике. 2003. URL: https://www.fandom.ru/convent/190/filigran_2003_1.htm (дата обращения 02.11.2021).
18. Лекция «Стругацкие. Почему обречен град обреченный». Часть 1 // VK URL: https://vk.com/video40088347_170761877 (Дата обращения: 1.06.2022).
19. Лекция «Стругацкие. Почему обречен град обреченный». Часть 2 // VK URL: https://vk.com/video40088347_170761877 (дата обращения: 1.06.2022).
20. Летвинцев Д. Град обреченный Стругацкие // Проза.ру. 2019. URL: <https://proza.ru/2019/09/13/300> (дата обращения: 1.06.2022).
21. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
22. «Миллиарды граней будущего»: к 95-летию со дня рождения Аркадия Натановича Стругацкого. Яковлевка: Строитель, 2020. С. 36.

23. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИН-ТЕГ, 2007. 668 с.
24. Переслегин С.Б. Мир А. и Б. Стругацких и текущая реальность // Нева. 2008. № 4. С. 250–255.
25. Переслегин С.Б. Мир А. и Б. Стругацких и текущая реальность // Нева. 2008. № 4. 20–36 с.
26. Радина Н.К., Поршнёв А.В. Психология и герменевтика: герменевтический анализ понимания в математических схемах и моделях // Журнал высшей экономики. 2014. Т. 11. № 2. 20–29 с.
27. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней. Спб.: Петрополис, 1997. 880 с.
28. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерк и о герменевтике. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
29. Садчиков И. Братья Стругацкие Град обреченный //Живой журнал. 2020. URL: <https://mrgarett.livejournal.com/213434.html?media> (дата обращения: 1.06.2022).
30. Сидоров М. Судьба сверхчеловека: К 175-летию со дня рождения Ф. Ницше и 90-летию братьев Стругацких // Нева. 2019. № 6. С. 187–207. URL: http://www.nevajournal.ru/Neva201906_20190526.pdf2 (дата обращения: 1.06.2022).
31. Симановский И. Борис Стругацкий и Александр Житинский беседуют с Самуилом Лурье // Русская фантастика. 2016. URL: <http://www.rusf.ru/abs/beseda92.htm> (дата обращения: 1.06.2022).
32. Скаландис А. Братья Стругацкие. М.: АСТ, 2008. 459 с.
33. Соколов Б.Г. Рецепция герменевтики в России // Между метафизикой и опытом / Материалы коллоквиума «Влияние немецкой философии на русскую философию с XIX века до начала XX века и дальнейшее развитие философии в Германии и в России». СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 169–187.
34. Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный. М.: Текст, 1998. 347 с.

35. Стругацкий Б. Комментарий к пройденному. 1973–1978 гг. За миллиард лет до конца света. 1999. URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-07.htm> (дата обращения: 1.06.2022).
36. Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный. М.: АСТ, Астрель, 2010. 460 с.
37. Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011. 430 с.
38. Толкование Евангелия от Иоанна Евфимий Зигабен // Азбука URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evfimij_Zigaben/tolkovanie-evangelija-ot-ioanna/ (дата обращения: 1.06.2022).
39. Фролов А.В. Ницшеанские мотивы в повести Аркадия и Бориса Стругацких «Град обреченный». СПб.: Реноме, 2012. С. 85–88.
40. Фуко М. Порядок дискурса. Лекция. 2007. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 1.06.2022).
41. Хализев В.Е. Теория литературы / учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
42. Хауэлл И. Апокалиптический реализм: Научная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких / пер. с англ. Е. Нестеровой. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: БиблиоРоссика, 2021. 192 с.
43. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. яз. А.Л. Вольского. СПб.: Европейский дом, 2004. 242 с.
44. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы. М.: Контекст, 1989. 267 с.
45. Юркевич Е.Н. У истоков герменевтической логики. // Т. 21. 2008. № 1. 558 с.
46. Русскоязычный интернет-проект, социальная сеть, посвящённая литературе // LiveLib.ru. URL: <https://www.livelib.ru/> (дата обращения: 1.06.2022).

Материалы для занятий курса по выбору для профильных классов

Тема: Аркадий и Борис Стругацкие «Град обреченный».

В чём же суть эксперимента?

Тип урока: комбинированный

Цели и задачи урока:

1. образовательные:

познакомить учащихся с биографией и творчеством Аркадия и Бориса Стругацких;

формировать умение учащихся свободно мыслить и рассуждать;

научить находить в тексте романа «Град обреченный» запрашиваемую информацию и помочь учащимся проанализировать её;

2. развивающие:

совершенствовать коммуникативные навыки на этапах участия в диалоге, при изложении собственного мнения, при способности анализировать текст, при создании собственного текста;

3. воспитательные:

вызвать эмоциональный отклик на роман Аркадия и Бориса Стругацких «Град обреченный»;

воспитывать интерес к чтению русской литературы;

предотвратить появление или решить уже существующую проблему эгоизма и неуважения среди учеников;

развивать творческие способности, память, речь, мышление, умение выразительно читать произведение, передавая интонацией настроение.

Форм и методы работы на уроке: словесные методы (дискуссия, работа с книгой, цитирование); наглядные методы (рассмотрение портретов и картин); проблемный метод; исследовательский метод.

Оборудование и средства обучения:

проектор;

карточки с фрагментами произведения;
презентация.

Рекомендуемый список литературы для подготовки к уроку:

1. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Град обреченный. М.: Текст., 1992. 349 с.
2. Володихин Д., Прашкевич Г. Братья Стругацкие. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2012. 352 с.
3. «Миллиарды граней будущего»: к 95-летию со дня рождения Аркадия Натановича Стругацкого. Яковлевка: Строитель, 2020. 10–36 с.
4. Перелегин С. Мир А. и Б. Стругацких и текущая реальность // Спб.: Нева. 2008. №4. С. 234–248.
5. Амусин М. Стругацкие и принцип неопределённости. Спб.: Нева. 2005, №4. С.190-200.

Планируемые результаты: результаты урока будут представлены учащимися в виде творческой работы, которая подразумевает написание ими концовки романа.

Ход урока

1.Организационный момент.

Приветственное слово учителя.

2. Мотивация учебной деятельности.

Сообщение темы урока: Аркадий и Борис Стругацкие «Град обреченный». В чём же суть эксперимента?

Ребята, давайте подумаем вместе, какая у нас сегодня цель?

Примерные ответы учеников:

- 1.Познакомиться с творчеством братьев Стругацких;
- 2.Проанализировать роман Стругацких «Град обреченный»;
- 3.Узнать в чем же суть эксперимента.

3.Объяснение нового материала

Слово учителя: Аркадий и Борис Стругацкие не только талантливые писатели-фантасты, но и глубоко мыслящие философы, можно даже сказать мечтатели. Созданные ими миры очаровывают, вдохновляют, завораживают или даже пугают миллионы читателей уже много лет. Теории Стругацких становятся объектами исследований литераторов, кинематографистов, физиков, социологов, психологов и педагогов.

А сегодня и нам предоставится такая возможность. Разгадать загадку романа братьев Стругацких «Град обреченный». Прежде чем мы перейдем к прочитанному вами роману, я дам слово нескольким ученикам. Они с радостью подготовили биографическую справку о братьях Стругацких.

Сообщения учащихся по следующим аспектам:

1. Ранние годы братьев Стругацких;

Братья Стругацкие популярные писатели-фантасты, сценаристы, авторы современной научной и социальной фантастики. Их никогда не воспринимали поодиночке, всегда говорили просто братья Стругацкие. Из этих двух таких разных людей получился один писатель, но какой!

Аркадий Стругацкий родился 28 августа 1925 года в Батуми, Борис Стругацкий 15 апреля 1933 года в Ленинграде, в семье искусствоведа Натана Стругацкого и учительницы Александры Литвинчевой.

Когда началась Великая Отечественная война, Аркадий Стругацкий строил укрепления, потом устроился на работу в гранатную мастерскую. Диплом об окончании Артиллерийского училища получил в 1949-м, стал профессиональным переводчиком с английского и японского. Трудовую биографию начал с Канской школы военных переводчиков, служил в качестве дивизионного переводчика на Дальнем Востоке. В 1955-м демобилизовался, устроился на работу в «Реферативный журнал», потом в Госполитиздат и Детгиз.

Борис Стругацкий тоже отправился в эвакуацию, после войны вернулся, стал студентом физико-математического факультета ЛГУ. По

профессии астроном, устроился в Пулковскую обсерваторию. Профессиональным писателем стал в 1960-м, совместно с братом писал научную фантастику, переводил произведения зарубежных авторов. В 1986 году получил Государственную премию РСФСР за сценарий к картине «Письма мертвого человека».

2. Развитие творчества;

Первая проба пера у Аркадия случилась еще до войны. Свою дебютную попытку он назвал «Находка майора Ковалева», но произведение пропало в блокадном Ленинграде. По этой причине первым сочинением старшего из братьев Стругацких принято считать рассказ «Как погиб Канг». В 50-х Аркадий продолжал писать, и вскоре представил повесть под названием «Четвертое царство». Первое опубликованное произведение автора называлось «Пепел Бикини». Но Аркадий писал его не в одиночку, у него появился соавтор Лев Петров.

Борис пополнил писательскую братию тоже где-то в 50-х. Братья поддерживали тесный контакт, переписывались, так как в то время Аркадий продолжал служить в армии.

3. Совместное творчество;

Первая совместная работа талантливых братьев получила название «Извне». Вначале это был небольшой рассказ, а потом братья сделали из него повесть. Рассказ был опубликован в 1958-м, на страницах журнала «Техника молодежи».

Несколько десятков лет Стругацкие занимали лидирующие позиции среди других писателей-фантастов, они стали лучшими в этом жанре. Постепенно мастерство писателей росло, формировалось особое мировоззрение. Ни одно из написанных произведений Стругацких не прошло незамеченным, их работы вызвали жаркие споры и многочасовые дискуссии.

Начало творчества братьев Стругацких велось в соответствии с канонами соцреализма. Но уже тогда авторы наделяли своих персонажей

характером и индивидуальностью. Главные герои Стругацких интеллигенты, гуманисты, отважные исследователи, которые желают развивать мир и двигать научно-технический прогресс. Помимо этого, герои выделяются своеобразным языком, и благодаря этому нехитрому, но действенному приему, они получались реальными, и узнаваемыми, как будто жили в соседнем дворе.

4. Особенности творчества;

В этих ранних повестях все ясно: цели, пути к ним, личности героев, трудности, которые их ожидают. Трудности эти многочисленны и серьезны в «бесхитростны». Для их преодоления требуются только знания и отвага, быстрота реакции в готовность к самопожертвованию. О благословенные, романтические времена!

Но проходит всего несколько лет и тональность произведений Стругацких начинает меняться. На смену ликования по поводу победного шествия научно-технического прогресса приходят интонации раздумчивые, вопросительные. Усложняется предмет художественного исследования. В «Стажерах», «Попытке к бегству», «Трудно быть богом» писатели выходят к теме превратностей исторического развития, драматической его диалектики. Конфликты всех этих произведений имеют общую основу: столкновение представителей коммунистической цивилизации, духовно зрелой и высокогуманной, с социально-историческим злом, с реальностью, к которой неприложимы мерки и критерии гуманизма.

5. Советская цензура.

В 60-е годы из-под пера братьев появились и другие оригинальные произведения. Например, «Понедельник начинается в субботу». Произведение вызвало скандал, альманах «Ангара», опубликовавший этот рассказ, вскоре закрыли, а рассказ достаточно долго не печатали. Такая же участь постигла и другую повесть «Улитка на склоне». Советская цензура не обратила внимания на более важные вещи, а именно на то, что надвигается прогресс, сносящий на своем пути все преграды, и упорно мчащийся вперед.

В 70-е годы братья почти не выпускали свои книги, так как советские цензоры крепко взялись за их творчество.

Такое большое количество фактов хочется завершить цитатой из романа:

««Произведения литературы должны не учить, а вызывать максимум сопереживания. Книга – это стимулятор работы души. "Душа обязана трудиться - и день и ночь". Жизнь тоже такой стимулятор, но - беспощадный. А книга - бережный и добрый» (из интервью Бориса Стругацкого).

4. Исследовательская работа:

Слово учителя: Ребята, практически вся повествовательная линия строится вокруг главного героя Андрея Воронина, но другие герои так же важны для понимания смысла романа. Мы с вами попытаемся проследить закономерности развития и ответить на некоторые вопросы. Вам необходимо поделиться на 4 группы. Для каждой группы будет своё задание. В конечном итоге вы должны представить это в виде рассказа. Для работы вам даётся 25 минут.

Ребята получают карточки и вспомогательный текст.

Карточка № 1. Андрей Воронин.

1. Кем Андрей Воронин работал до эксперимента и в каком городе жил?
2. Является ли Андрей образцом воспитания? Ответ обоснуйте.
3. Какие роли примерил на себя Андрей за время эксперимента?
4. Изменило ли его это? Если изменило, то как?
5. Что произошло в конце с Андреем?

Карточка № 2. Изя Кацман.

1. Кем Изя Кацман работал до эксперимента и в каком городе жил?
2. Что вы можете сказать о манерах и поведении Изи?
3. Можно ли назвать Изю пророком? Ответ обоснуйте.
4. Проводит ли он какие-либо исследования, докажете текстом?

5. Что с ним происходит в конце?

Карточка № 3. Фриц Гейгер.

1. Кем Фриц Гейгер был до эксперимента и в каком городе жил?

2. Опишите личность Фрица, опираясь на текст.

3. Фриц сильная личность или двойник Андрея?

4. Как он относился к радикальному возрождению?

5. Что с ним произошло в конце?

Карточка № 4. Город.

1. Где происходит действие?

2. Опишите этот Город, доказывая примерами из книги.

3. Что условно принято за Юг, а что за Север?

4. Как и какие люди попадают в этот город? Добровольно ли?

5. Для чего люди попадают в этот город?

После проделанной работы каждая группа представляет своё исследование.

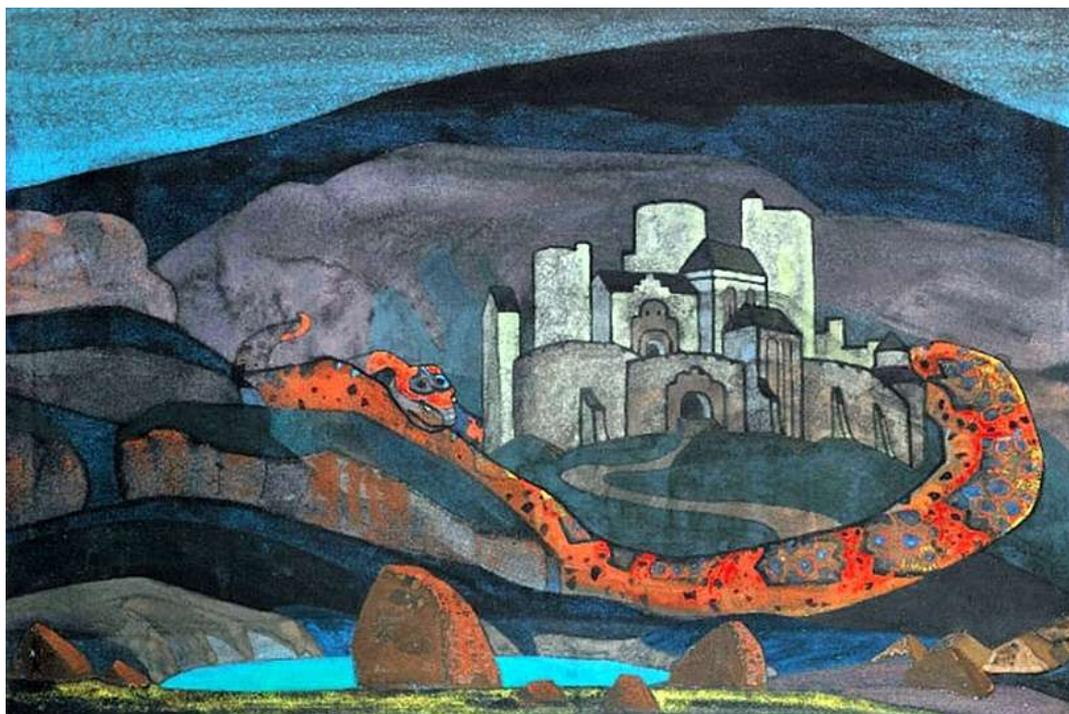
5. Аналитическая работа.

Слово учителя: Ребята, вы очень хорошо потрудились, теперь, когда мы знаем всё о Городе, об эксперименте, о главных героях, нам остаётся самое интересное!

В чём же суть эксперимента?

Посмотрите внимательно на слайд, на нём мы видим картину Н.К. Рериха, которая называется «Град обречённый». Эта картина считается пророческой.

У Н.К. Рериха есть две пророческие картины 1914 года «Город осуждённый» (вариант названия «Град обреченный») гигантский змей обвился кольцом вокруг стен города, закрыв входы и выходы, словно образовав магический круг зла. Братья Стругацкие не только позаимствовали у картины «Град обреченный» название, их философский роман-антиутопия в каком-то смысле является одной из интерпретаций значения этого полотна.

Слово учителя и ответы учеников:

1. Похож ли город из романа на то, что нарисовал Рерих?
2. Может ли человек жить спокойно, если у него постоянно меняется работа?
3. Могут ли разные люди, по складу ума, по характеру, по социальному статусу не просто выживать, но и сосуществовать, и работать вместе, если в их жизни случаются «непредвиденные события»? Или же это приведёт к неким сложностям?
4. Если это приведёт к сложностям, то каким?
5. Так как вы поняли, в чём же суть эксперимента?

6. Заключительный этап

Слово учителя: Ребята, вы большие молодцы, проделали такую серьёзную работу. На ваших столах листочек, ответьте, пожалуйста, на 2 вопроса, мне было бы очень интересно узнать ваше мнение.

7. Рефлексия

Задание: напишите на листочках ответы на вопросы

Понравился ли вам роман?

Поучаствовали бы вы в таком эксперименте? Если да/нет, то почему?

8.Обобщающее слово учителя

Эксперимент. Причудливые переплетения жизненных обстоятельств, которые приводят совершенно различных людей в искусственно сконструированный мир, составляют ткань города. Каждый приносит с собой своё мировоззрение, пороки, достоинства. Роман одновременно и сложно, и легко читать. Надеюсь, что сегодняшний урок открыл для вас творчество братьев Стругацких, и вы с удовольствием прочитаете и другие романы этих писателей.

9.Домашнее задание:

Если бы вы писали роман, как бы вы его закончили? Придумайте и напишите 10–15 предложений.